

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клуб "Юнион"
состоится

АНОНСЪ

состоится

только

одинъ

концертъ

известной артистки,
всесоюзной звезды

и др.

възальной биржи
въ этомъ домѣ в страсти

Сегодня на концертной площадке
Марин Ивановны Долиной

Х. Х. Акцери

П. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (58)

Июль. 2005 год.

На крыше "Дома Либмана". Фото Лизы Коваль
Фотографии Л. Коваль смотри на 8-9 стр.

Партработник
с человеческим лицом
с. 3

"Кто хочет быть
своей отчизны другом,
Пусть пашет
"И.И. Гена" плугом"
с. 4

"Вспоминай меня
улыбающимся..."
с. 5

"Украинский Декаме-
рон", зритель на сцене
и большое будущее
юной Асмат
с. 6

Одесская биография
Марии Савиной,
"чародейки сцены"
с. 7

Дети разных народов —
братья по оружию
с шестой станции
Большого Фонтана
с. 10

Путешествие
без прозы. Швейцария
с. 11

Неотосланные письма
о любви и о войне
с. 12

Выставка эротических
рисунков в фонде па-
рижской одесситки
с. 13

Одесский портовик
Михаил Жванецкий
с. 14

Это вам не витрины
оформлять...
с. 15

Чернокорка. Лучшие
мгновения жизни
с. 15

О'Генри по-канадски
с. 16

Мой дед — Илько Борщак

Моему младшему сыну Илье посвящается

Президент Украины Виктор Ющенко подписал Указ о праздновании 295-летия и широком праздновании 300-летия Конституции Тилина Орлика. Это событие, появление Конституции, произошло 5 апреля 1710 года.

Оригинал текста Конституции был найден вместе с другими документами в архивах Тилина Орлика в замке Дентевиль около Шомон во Франции Ильей Борщак, ученым, украинским историком, моим дедом.

Илья Львович Борщак родился в селе Березнегатовое Николаевской области (теперь Херсонская), в 1892 году в большой семье сельского учителя. Он был первым сыном Льва Михайловича Баршака.

Намного позже Илья Львович, поднимая свои многочисленные исторические труды, изменил свою истинную фамилию, став Илько Борщак.

Мать Илья, Дора Львовна Баршак, также была учительской дочерью. Она родила 8 раз. Близнецы и дочь Мария умерли в младенчестве. Шестеро остальных выросли. Два хлопца: Илья и Дмитрий; и четыре девочки: Анна, Клара, Софья и Любовь.

Илья блестяще окончил школу и, еврей по национальности, по проценту поступил на исторический факультет одесского университета.

Семейное предание гласит, что во время октябрьского переворота и последовавшей за ним гражданской войны Илья примкнул к белым, а его родной брат Дмитрий — к красным. В дом приходили с обыском белые, искали Дмитрия, а на портрет Илья смотрели с восхищением: "Вот это человек! А имеет такого брата...". Приходили в дом красные — все повторялось с точностью до наоборот. Так, во всяком случае, мне рассказывала моя родная бабушка Софья Львовна Баршак.

Илья Львович любил подолгу путешествовать, любил перемену мест. Он жил в Киеве, Москве, Петербурге. Когда в 1922 году А.В. Мунчацкий выпускал интеллигенцию, Илья Львович отбыл в Париж, наверное, с культурной миссией, и остался там навсегда, прислав письмо родным в Одессу, что-то вроде — во мно-

гих городах мира я побывал, но лучше города, чем Париж, не знаю, здесь и буду жить. Он женился на баронессе с ребенком, ведущей род от известного украинского полковника Аноста. В свое время к советам Аноста прислушивался Мазепа.

Падчерницу Верочку Илья Львович удочерил. Своих детей у него никогда не было.

Илья Львович погрузился в научно-поисковую и исследовательскую деятельность. В Сорбонне он открыл кафедру украинского языка и литературы.

Подружился с Ромеком Роланом.

А отец, мать, брат и сестры, оставшиеся на территории советской Украины, могли только по скудным публикациям, с трудом пробивавшимся сквозь железный занавес, узнавать о жизни и творческой работе Илья Львовича. Впрочем, это не совсем так. Илья Борщак как мог, поддерживал свою семью. Он присылал одежду, продукты, деньги.

Переписку с Ильей Львовичем вела, в основном, Клара Львовна. В 1934 году Дмитрия Львовича, брата Илья Боршака, коммунисты, вызвали в НКВД и обвинили в шпионаже.

— Мой брат стоит на одной платформе с Ромеком Роланом, — гордо ответил Дмитрий Львович.

А как известно, Ромек Ролан в те годы был лучшим другом И.В. Сталина. И Дмитрия Львовича отпустили.

Но в 1937 году не помог и Ромек Ролан.

Сначала на допрос вызвали Льва Михайловича Баршака, отца Илья Львовича. Наверное, он погиб при пытках, а семье сообщили — умер от инфаркта.

Брат Дмитрий сгинул на Севере, посмертно амнистирован. Сестра Клара тоже сидела в тюрьме, но недолго, помог внезапный арест Ежова и двукратная дочь Ирина, живущая сейчас в Испании. Моя бабушка говорила: "Если б не посылка Илья, мы бы все умерли от голода, а так позидло только двое". Это, конечно, "смех сквозь слезы".

Понимал ли Илья Львович, что происходило на Украине в 30-е годы? Полагаю, что не до конца. Так или иначе, переписка прервалась, и семья потеряла из виду Илья Львовича на долгие годы.

Тридцать лет назад я отнесла Евгению Михайловичу Толубовскому небольшую заметку об отделе редких книг одесской научной библиотеки им. Торгского. Этот мой первый журналистский опыт — не Бог весть что, к тому же в нем был допущен ряд фактических ошибок. Не беда, я была принята в круг газетчиков. И стала публиковаться.

В то время еще все мои бабушки, кроме одной, Анны, которую

сожгли немцы во время войны в Одессе, были живы. И эти энергичные сестры Илья Львовича стали хором уверять меня: "Ты пошла в Илюшу!". Я же понятия не имела ни о каком Илюше, в нашей большой семье существовала молчаливая договоренность не упоминать его имени. Имени эмигранта.

В КТБшных анкетах это называлось "связь с заграницей". Зачем?

А после войны, в конце сороковых до семьи доходили смутные слухи, будто бы Илья Львович собирался вернуться на Украину, но какой-то доброжелатель его отговорил. В противном случае пошел бы по этапу вслед за братом.

Илья Львович умер от инсульта в Париже в 1959 году. Он оставил многочисленные научные и исторические труды. Вот некоторые из них: "Вальтер і Україна", "Північна війна і французька дипломатія", "Мазепа і тодішня французька преса", "Гетьман Орлик і Франція", "Дедукція прав України".

Совместно с Рене Мартеллем Илько Борщак написал книгу "Іван Мазепа", которая была переиздана в одесском издательстве "Маяк" в 1993 году. Это художественное и документальное повествование одновременно.

Татьяна БОНДАРЧУК,
Харьков.

С сайта ВКО: www.odessitclub.org

Помогите связаться с Литваком Борисом, огромная просьба! Напишите, есть ли сайт или эл. почтовый ящик у Б. Литвака. Примите, пожалуйста! Я декоратор, работаю с детскими магазинами и центрами. Недавно прочитала книгу о Дездемоне. Потрясло!!! Хочу приехать и безвозмездно создать сказку. Просто сделаю, смонтирую и подарю.

Не знаю, как связаться и попросить разрешения. Помогите!
Наталья Козловская
anapa@mail.ru

Здравствуйте!

Меня зовут Инна Кабанен, я — студентка Хельсинкского университета, учусь на кафедре русского языка. Дело в том, что я начала писать свой диплом на тему одесского языка. Здесь, в Финляндии, эта тема, посмею сказать, совсем не известна, и отчасти именно поэтому одесский язык как лингвистическое явление представляет для меня особый интерес. На выбор темы диплома повлияло также то, что дедушка моей мамы после войны не вернулся домой в Казахстан, а остался в Одессе и женился на еврейской женщине. Пару лет тому назад я также заинтересовалась языком идиш, готовя доклад о еврейской культуре.

Моя проблема состоит в том, что об одесском языке очень сложно найти информацию, особенно научную. Поэтому я решила обратиться к вам. Могли бы вы подсказать мне, где я могла бы найти какие-нибудь статьи и т. п. об одесском языке или к кому я могла бы обратиться по этому вопросу? Возможно, вам известны люди, занимающиеся изучением одесского языка.

Спасибо за внимание!
Заранее благодарю.

Здравствуйте и спасибо.

Недавно обнаружил ваш (наш) вебсайт (odessitclub.org). Я родился и вырос в Одессе. В 2003 году привез в Одессу моих двух взрослых дочерей показать родные места. Надеюсь найти кого-нибудь из школы № 39 (1948-1958) или Института инженеров морского флота (Водного), 1963-1968. Отвечу всем, кто мне напишет.

Еще раз благодарю,
Арсений.
atorgovnik@msn.com

Здравствуйте, члены клуба.

Я прочел статью Каткевича о школе шпионов на Ботанической. И она мне не очень понравилась. В ней есть ошибки: очевидно, она была написана на базе чьих-то воспоминаний, а не личного опыта автора. Но все равно, мне было интересно узнать о судьбе некоторых моих бывших соучеников, которых я не видел и которых не слышал со времени окончания школы в 1954 году.

Искренне ваш,
Варнак (моя школьная кличка).
P.S. Я эмигрировал в США в 1976 году.

Хочу найти родственников.
Привет всем. Случайно наткнулась на этот сайт, надеюсь, кто-то услышит меня...

Мои предки были из Одессы, я нека. Моя фамилия Оттмер. Может, еще живут в Одессе люди с такой фамилией? Помогите найти.
Мана Оттмер.
mana_ottmer@yahoo.com

Туристическая компания УКРФЕРРИ ТУР

Один из ведущих туристических операторов Украины:

Большой выбор разнообразных туров

за рубежом и в Украине

Ліцензія ДТАУ на ТУРОПЕРАТОРСЬКУ ДІЯЛЬНІСТЬ -
Серія АА № 780157 від 31.03.2004 р.

UKR FERRY
TOUR

Италия, Франция, Испания, Великобритания, Чехия, Австрия, Греция

РЕГУЛЯРНЫЕ ГРУППОВЫЕ ЭКСКУРСИОННЫЕ КУРСЫ В США
(Нью-Йорк, Филадельфия, Лас Вегас, Лос Анджелес,
Майами, Орландо, Гавайи)

ОТДЫХ НА МОРЕ:
(Турция, Египет, Кипр, Хорватия, Греция)

МОРСКИЕ ГРУЗО-ПАССАЖИРСКИЕ ЛИНИИ:
Одесса-Стамбул
Илличевск-Варна
Илличевск-Поти-Батуми

УКРАИНА: ОТДЫХ И ЛЕЧЕНИЕ В САНАТОРИЯХ, ПАНСИОНАТАХ И ОТЕЛЯХ
(Одесса, Киев, Крым, Карпаты, Моршин, Трусковец)

ИЗРАИЛЬ
(Экскурсии, отдых, лечение)

МОРСКИЕ КРУИЗЫ НА 5* ЛАЙНЕРАХ, РЕЧНЫЕ КРУИЗЫ ПО ДУНАЮ И ДНЕПРУ

ТУРЫ В ЕВРОПУ / ТУРЦИЮ / ИЗРАИЛЬ ЧЕРЕЗ УКРАИНУ
(ДЛЯ ПРОЖИВАЮЩИХ НА ПМЖ ЗА РУБЕЖОМ)

г. Киев, ул. Артема, д. 58/2, офис 1 (2-й этаж)
тел. (044) 244-7326, 246-9624
E-mail: ong@ukrferry-tour.com.ua
E-mail: welcome@ukrferry-tour.com

г. Одесса, Сабанский переулок, 4а
Тел. (0482) 347995, 346708
Факс (0482) 348297
E-mail: welcome@ukrferry-tour.com

www.ukrferry-tour.com

НЕ ДУМАЙ О МИНУВШЕМ СВЫСОКА...

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА СТЕЦЕНКО

Двадцать лет назад, 5 июля 1985 года из жизни ушел человек, с которым было связано много хорошего в жизни нашего города и многих его жителей. Да, риска нарваться на яростное осуждение со стороны тех, кто без разбора сбрасывает в костер революций и реформ все, что было раньше, я никогда не соглашусь, что при "прежнем режиме" не было ничего и никого хорошего. Как, впрочем, и при любом режиме. Жизнь-то всегда продолжается, людей, созданных самой природой для того, чтобы создавать, все же намного больше, чем прирожденных разрушителей (пусть даже разрушителей плохого, старого). А тех, кого в наше время называли диссидентами, их и вовсе было меньшинство. Героев, готовых вступать в единоборство с драконом, — единицы. А в своей массе люди живут, приспосабливаются к условиям и занимаются тем, на что у них хватает способностей. Бездари, если они при этом наделены честностью и лишены элементарных понятий о нравственности, приспосабливаясь, пускают в ход то, что у них есть, — подлость, демагогию, интриги, уничтожая тех, кто им мешает, если место, до которого им удалось доползти, позволяет делать это... Люди же одаренные — будь то талант физика или организатора — стремятся реализовать себя же, оправдывая высокими целями беззакония режима, которому служат... В общем, долгий это разговор — о том, как и почему хорошие люди служат плохой власти. И пора бы уже усвоить это нам, которых так долго кормили историей, "освобожденной" от многих лучших ее творцов, потому что они служили ужасному "царскому режиму". А что и в советские времена на высоких партийных постах встречались люди честные, "с человеческого лицом" — можно доказывать как раз на примере секретаря Одесского горкома компартии Евгения Ивановича Стеценко.

Он умер от тяжелой сердечной болезни через пять месяцев после своего пятидесятилетия. Его близкие и те, кто знал о некоторых подробностях последних лет его жизни, уверены: его убили Афганистан. Хотя со времени его афганской "командировки" прошло три года. Конечно, мне известны не все подробности, в те времена во внутреннюю жизнь здания на Куликовом поле журналистов газет (партийных газет) не очень-то допускали. Но кажется мне, что не слишком гладкими были у Евгения Ивановича отношения с некоторыми лицами из вышестоящего партийного руководства, во всяком случае, не таким уж "родным человечком" он у них был, раз афганский выбор пал на него. Говорят, что на ту должность в Афганистан (партийного советника или консультанта) посылали секретарей по идеологии из обкома партии, но когда разнарядка из Москвы пришла в Одессу, ехать велели Стеценко.

"Ты не волнуйся, — успокаивал он меня, — вспоминает его жена Сусанна Васильевна Стеценко. — В Москве наверняка будет медкомиссия, и меня наверняка не пропустят". В Одессе документы подготовили быстро, без медицинской справки. Хотя в те времена, чтобы выехать в любую заграничную командировку, и партработников, и журналистов гоняли по всем кабинетам "лечсанупра" (обкомовской поликлиники), и в справке конкретно указывалось: состояние здоровья позволяет выехать в такую-то страну, на такой-то срок... Здесь справку не потребовали, а сам он по своему характеру просто не мог напомнить о том, что до этого у него уже были тяжелые приступы стенокардии. В Москве медкомиссии не было, почему-то никто не обратил внимания и на отсутствие справки. Все было сделано в режиме экстренной замены.

С февраля 1981 года по май 1982-го длилась эта "служебная командировка", пока не свалил его тяжелейший инфаркт. Самолетом его вывезли в Ташкент, дальше транспортировка была противопоказана, спасали в реанимации в тамошнем госпитале, в Одессу доставили спустя месяцы, и еще долго продолжалось лечение. А затем — снова возвращение в свой кабинет в горкоме партии, работа, которой он отдавал все свои сердечные силы.

Помню его приход в редакцию впервые после Афганистана, его рассказ о жизни в Кандагаре, о поездках на бронетранспортерах "в народ", о переговорах с "красными муллами", о гибели работавшего рядом с ним "комсомольского советника" (его выкрали и потом подкинули отрезанную голову)... Он ведь работал даже не с нашим "ограниченным контингентом" (хотя о потерях среди наших ребят узнал не понаслышке), работал с "афганскими друзьями", агитировал их через переводчика (главное было — на чью сторону станет местный мулла). Понятно, что и здоровому сердцу непросто вынести такую работу... А догнал его Афганистан в феврале 1985-го.

В феврале восемьдесят пятого были выборы в Верховный и местные советы. Всем понятно, что в те времена это была чистая формальность — все равно все проголосуют "как надо", в списках ровно столько кандидатов, сколько должно быть избрано, явка все равно будет оглашена — где-то в районе 99 процентов... Выборы именовали "праздником советской демократии", все шло под оркестры, концерты и буфеты на избирательных участках. (Многие именно из-за буфетов спешили прийти на участок пораньше — там можно было купить, например, дефицитные апельсины и т. п.) Все верно: кроме красивой формы, от демократии там было мало что. Но в том-то и дело, что форма эта была возведена в культ, все, что на виду, должно быть идеально отработано. Поэтому праздник этот был не для всех. Для тех, кто отвечал за проведение выборов и подведение их итогов, был тяжкий труд и нервные стрессы.

Самым страшным для партийных властей был отказ избирателей голосовать, особенно если речь шла о целом доме или микрорайоне. Это была одна из немногих в те годы легальная форма протеста: жильцы дома, доведенные до отчаяния отсутствием воды или тепла, заявляли заранее, что голосовать не пойдут. (Кстати, нередко им удавалось таким способом решить свои проблемы.) И начиналась пляска вокруг этих людей, и шли угрозы из Киева-Москвы: если не обеспечите — готовыте партбилеты. А тут в отказниках грозил оказаться целый спальный район — поселок Котовского, переживавший тяжкую зиму с отключениями тепла, страдающий из-за транспортных трудностей. А Евгений Иванович возглавлял городскую избирательную комиссию. Очевидно, немало усилий потребовалось, чтобы кого-то заставить сделать для людей то, что можно, кого-то из них уговорить поверить, что вопрос будет решен... Он дневал и ночевал в избиркоме, ежедневно выезжал на встречи с избирателями.

Его усталость и болезненное состояние на финише выборов нельзя было не заметить. Сусанна Васильевна вспоминает, что уговаривала его на следующий день вызвать врача, не ходит на работу, но он сказал, что не может не пойти на бюро обкома, где будут слушать "вопрос Владыченко"...

История Георгия Владыченко — драма загубленной партийной номенклатурой жизни. Неординарная личность, замечательный ректор строительного института, сделавший так много для своего вуза и для города, он был кому-то неугоден, и с ним расправились, найдя

совершенно надуманный повод. Евгений Иванович пытался его отстоять. Кстати, на том бюро предложение исключить Владыченко из партии (что служило сигналом для окончательной расправы) не прошло, уничтожили его позже...

А к Стеценко в тот же вечер вызвали "скорую", и долгие месяцы врачи боролись за его жизнь, но надежды становилось все меньше... Поверить в его смерть было невозможно, он был таким живым, таким неотделимым от нашей жизни. Хоронила его "вся Одесса"...

...А первый раз я увидела его на университетской сцене. Шел фестиваль "Студенческая весна", факультеты представляли самое лучшее из своей самостоятельности. Третьекурсник истфака Женя Стеценко играл в спектакле по пьесе Виктора Гусева "Московская весна"... секретаря парткома исторического факультета МГУ. Он замечательно играл влюбленного, правдолюбивого, переживающего разочарование и отважно защищающего истину партийного работника. Когда спустя годы я встретила с ним — уже в роли настоящего комсомольского, потом партийного работника (секретаря обкома комсомола, секретаря Центрального райкома партии и, наконец, секретаря горкома) — почему-то все время вспоминала эту его студенческую роль. Мне казалось, что он так вжился в нее, что перенес в далекую от идеала жизнь идеализированный литературный образ и, как бы не замечая жизненных несоответствий, следовал его логике. Иначе мне трудно было объяснить, почему этот талантливый, тонкий, обаятельный любимец университета избрал для себя путь партийного чиновника. Но слово "чиновник" не клеится к нему.

В нем было то, что нынче модно называть харизмой. "Исклительная одаренность, высокий авторитет, базирующийся на умении подчинять других своей воле", — так толкуют этот термин словари. И опять же, слово "подчинять" не подходит к его характеристике. Скорее это была способность располагать к себе людей, врожденная чуткость и доброжелательность, развитое чувство справедливости.

Нам, "вечеринкам", просто повезло, когда через год после создания газеты Евгений Иванович Стеценко стал секретарем горкома партии и партийным куратором "Вечерней Одессы". С редактором Борисом Федоровичем Деревянко их связывали доверительные, дружеские отношения, не имеющие ничего общего с фамильярностью и "междусобойчиками". Часами могли обсуждать они городские и газетные проблемы, спорить, находить решения, в конце концов, как записал в своем дневнике Борис Федорович, "заряжаться информацией". Думается, эти такие разные личности многое дали друг другу. Главное же, что сделал Стеценко для городской газеты, — признал за ней право на весьма широкую по тем временам самостоятельность и сумел отстоять и сохранить во многих критических ситуациях и ее редактора, и журналистские кадры.

В том, что ни один наш журналист не был уволен по причине "нехорошей анкеты", ни над одним не учинили расправу за критические выступления, — безусловная заслуга Евгения Ивановича. А ведь как хотелось многим партийным руководителям разогнать эту редакцию, причиняющую столько беспокойства. И повод был: в редакции партийной газеты большинство журналистов были беспартийными, а многие и с "пятой графой", да еще без специального журналистского образования...

Только Евгений Иванович смог добиться, чтобы почти всех наших беспартийных приняли в партию, даже фельетонистов Диму Романова и Сему Лившина, даже не вписывающегося ни

в какую партийную форму Пашу Шевцова и даже дважды разведенную нашу красавицу Юлию Женеvскую... Вот только с Женей Голубовским это "очленивание" проделать не удалось. "О нем больше мне не говори, — сказал Стеценко. — Работает, ну и скажите спасибо. Там, на Бебеля, на него столько насабировали..." И то правда: Женя явно был "замечен в компрометирующих связях" (а сколько замечательных произведений из запрещенной литературы узнали все мы благодаря этим его связям!). А еще не могли "кураторы" с улицы Бебеля (областное КГБ) забыть Голубовскому его студенческий грех: это он открыл нам всем глаза на импрессионизм, организовав публичный диспут на эту гуманитарную тему в политехническом институте...

И не нужно осуждать сегодня всех, кто тогда в эту партию поступал: таково было условие работы в газете, а для них эта работа была уже жизнью. И сделали они на этом поприще немало, ведь не зря же страдальцы по рухнувшей советской системе и замечательной нашей империи еще долго обвиняли этих проклятых журналистов, которые во всем виноваты... А газеты ведь тогда все были партийными, и отстаивать право на собственное слово было потруднее, чем нынче. Даже в отношениях с нашим добрым куратором не всегда все было гладко. Но! Он мог (очень редко) попросить показать ему готовящийся к печати материал ("герой" будущих публикаций частенько обращались к нему за защитой), но никогда не разговаривал с редактором в приказном порядке, не навязывал своих решений.

Помню один показательный эпизод. Был подготовлен фельетон о беззакониях, творимых одним руководителем культурного учреждения. Тот побежал к Стеценко. Евгений Иванович позвонил Деревянко: что вы там против него готовите? Поговорили, очевидно, весьма резко, потому что Борис Федорович с фельетоном к нему не поехал сам, а послал меня. Стеценко прочел материал при мне и сказал: "Передай, что я против того, чтобы это печатать". Но фельетон был напечатан, наделал много шума, кстати, позже по этому же "герою" было выступление в "Правде", после чего от руководства его все же отстранили. А тогда было даже некое злорадство коллег Евгения Ивановича из обкома: "Мы же знаем, что Стеценко был против, как же это вы с ним не посчитались?". (В подтексте: как пошли против "своего" Стеценко?) Но со стороны Стеценко ничего похожего на месть не было, хотя обиду, конечно, пережил.

Позже, когда его не стало, Деревянко вспомнил этот эпизод с болью и чувством вины: мол, не стоило все это того, чтобы лишний раз надирать его больное сердце... Но кто сегодня может объективно оценить, что стоило и что не стоило принесенных жертв?..

На что же уходили силы и время у секретаря горкома партии Стеценко в те далекие годы? Вспоминает Татьяна Андреевна Овчаренко, бывшая тогда

заместителем председателя горисполкома. Да и я многое помню, потому что газета тоже в этом участвовала, и не только "освещающая событие" — было такое понятие, входившее разделом в редакционные планы: организаторская работа газеты. Так вот, были это новые детские музыкальные школы, организованные в каждом районе новостроек; новые детские художественные школы; была каждый год новая средняя школа и один-два новых детских садика... А еще — детские клубы по месту жительства, а еще молодежный клуб "Поиск". Были студенческие фестивали, возобновленная "Юмори-на"... Во все это нужно было вложить частичку своей души, нужно было найти энтузиастов на местах, убедить в необходимости в центре — министерство, ЦК, изыскать помещения, средства, найти среди промышленных предприятий шефов для школ (тогда понятия "спонсор" не было, называлось это шефством)... И главное — постоянное общение с людьми, которые шли к нему с надеждой на понимание, поддержку, защиту. Ведь в его ведении были культура с ее творческими коллективами и творческими союзами, образование, здравоохранение... Татьяна Андреевна вспоминает, как умел Стеценко поддержать человека в трудное для того время, что называется, подставить свое плечо — говорит, на себе это испытала.

Он был теплым человеком и дарил это тепло людям щедро и не жалея себя. Был любящим мужем и отцом (Сусанна Васильевна хранит его письма из Афганистана, которые он писал через день при любых условиях, и только по почерку можно было догадаться о его состоянии).

...Тем, кто ушел из жизни, не дожив до наших великих перемен, я часто мысленно задаю вопрос: какими бы стали сейчас, что поняли бы и что приняли бы из происходящего? С кем были бы? И ответить за них не могу. Люди (из бывших руководителей) так поразному и порой так неожиданно проявили себя в новых условиях... Но в одном я почему-то уверена: Евгений Иванович Стеценко ни при каких условиях не преступил бы границы, отделяющей добро от зла, он не потерял бы себя в пучинах приватизаций и революций. И отчитываясь перед сегодняшним поколением в своей жизни, ему нечего было бы стыдиться. Кто знает, о многих ли сегодняшних "функционерах" спустя два десятилетия вспомнят так же тепло и с благодарностью, как о нем. О ком-то, безусловно, вспомнят — как бы ни оценила история с высоты своих времен нынешнее время. Ведь в любой идеологии каждый ее апологет возьмет только то, что соответствует его человеческой сущности. Вот почему так важно, чтобы жизнью нашей руководила не идеология, а законы, одни для всех в едином государстве. Только пока что слабое у нас это получается.

Людмила ГИПФРИХ.

ДЕЛО ЖИЗНИ ЗАВОДЧИКА ИОГАННА ГЕНА

Из Германии, города Библингена, пришла печальная весть: на 66 году ушел из жизни наш земляк, одаренный инженер и известный в бывшем СССР изобретатель, видный деятель Общества черноморских немцев Иоганнес (Иван Иванович) Фрай, потомок И. Гена.

В августе 1904 года в общественной жизни Одессы заметно выделялись торжества, приуроченные к 50-летию основания крупнейшего в Российской империи плужного производства и 25-летию фабрично-заводской деятельности его тогдашнего хозяина — Иоганна Гена. В своем приветственном слове на банкете в Одесском обществе фабрикантов и заводчиков, собравшем "отцов города", аграриев, промышленников и предпринимателей, видных чиновников и именитых граждан, Иоганн, между прочим, давно уже ставший для одесситов "Иван Ивановичем", со значением заявил: "Я решил еще расширить свой завод на Московской улице и оборудовать его с таким расчетом, дабы ежегодный выпуск плугов равнялся ста тысячам штук, не считая сеялок, жаток, молотилок. Вступая в 51-й год существования завода, надеюсь, что предприятие мое с честью пройдет и второе пятидесятилетие, служа на пользу сельскому хозяйству нашей отчизны".

Гордиться фирме "Иван Ген в Одессе" действительно было чем. В 1904 году было выпущено 80 000 плугов разных марок, 1000 жаток, 500 конных молотилок, 1000 веялок и соломоуборочных. Недаром по достоинству достоинств и ходатайству Общества сельского хозяйства Южной России, Иван Иванович "За выдающиеся заслуги перед Отечеством в деле улучшения и распространения сельскохозяйственных орудий и машин" был пожалован государем в звание "Потомственного почетного гражданина Одессы".

Что же мы знаем о происхождении, семейных корнях нашего столь именитого земляка? Каков был его земной путь?

Он принадлежал к роду крестьян и сельских ремесленников из немецкой земли Вюртемберг, селения Эльсенц. Его предки по приглашению русского правительства в 1870 году обосновались в колонии Нойбург (ныне Новоградовка) под Овидиополем. Поскольку по укладу жизни в немецких деревнях крепка была семейная привязанность, то, едва успев устроиться в Новороссию, Гены вызвали и остальных своих сородичей. Известно, что опытный слесарь Иоганн Георг Ген выехал в 1817 году из Муссберга под Штутгартом, тогдашней столицы Вюртембергского королевства. На семейном совете в родовом гнезде Генов — Нойбурге — было решено: равным в мастерстве братьям — Георгу и Иоганну — под крышей одной кузницы будет тесно.

Потому младший Иоганн стал поселенцем в колонии Зульц. В том же году он окончательно оседает в деревне Карлсталь в четырех часах езды от Одессы. На первых порах Иоганн работал у тамошнего кузнеца. Золотыми руками и трудолюбием Ген быстро пришелся по нраву карлстальскому сельскому обществу. Вскоре мастер получил от общины усадьбу с просторным домом, кузницу с дефицитным углем и инструментом и добился хорошо оплачиваемой работы. В немецких колониях высоко ценились мастера-умельцы!

И оставаться бы ему деревенским кузнецом, ежели бы не пример старшего брата. Георг, отправившись из Нойбурга на заработки в Одессу, достаточно преуспел там и даже стал хозяином кузницы на Бугаевке, где в 1845 году уже изготовлял по заказам плуги.

Переселившись в Одессу, Иоганн также завел свое дело. Начиная со слесарной мастерской на Разумовской, тогда еще окраинной улицы Молдаванки. На первых порах по слабости спроса на слесарные изделия ему вместе с подрастающим сыном Карлом приходилось перебиваться мелочами: починкой домашней утвари, изготовлением всякого скобяного дрягя. Особенно удавались им кофейные мельнички, вошедшие скоро в домашний обиход многих обитателей Молдаванки.

Рядом пролегла оживленная Балковская улица, а у больших колодезей Водяной балки чумацкие обозы еще с турецких времен оставались на водопой. В дороге у чумаков случались всяческие напасти. Прослышав о добром мастере, к Иоганну все чаще стали

обращаться по ремонту валков. Год от года дела у мастера с Разумовской шли все лучше. Рос и достаток его семьи. Будущее сулило немалые надежды, ведь для ремесленника с умелыми руками в таком городе как Одесса работы всегда хватало с избытком. Впрочем, был у Иоганна и свой сокровенный замысел. Иной раз заезжие чумаки просили его построить плужок "попроше, да подешевше". И, не в пример одесским кузнецам, дело это было для Иоганна привычное по житию-бытию в немецких колониях.

Скоро благодаря мастерству изготовления "городские" плуги мастера Гена окрестные сельчане стали отличать от изделий доморощенных сельских кузнецов. Успехи укрепляли уверенность смекалистого мастера в том, что, затеяв в Одессе плужную мастерскую, он сделал верный выбор. Тем самым Иоганн совершил решительный шаг навстречу судьбе. Однако тогдашние события в Европе неожиданно внесли веские коррективы в жизнь семьи Иоганна Гена...

В феврале 1854 года государь Николай I наложил эмбарго на вывоз за границу всех видов зернового хлеба из черноморских портов. Тотчас в тлевшую с 1853 года войну России с Турцией вступили на стороне последней великие морские державы — Англия и Франция. Одесса, которой выпала доля первой испытать нападение с моря неприятельского эскадронного флота, была подвергнута морской блокаде, что напрочь остановило ее хлебозэкспортную торговлю.

Деловая жизнь Южной Пальмиры замерла и по причине безработицы Иоганн Ген с семейством переселяется в Бессарабские края, в новую колонию Гофнунгсталь, где 29 мая 1854 года у него рождается младший сын, нареченный в честь отца Иоганном.

Еще от земляков-старожилов Нойбурга Иоганн Ген был наслышан, как уже первая пахота в колониях принесла пионерам-поселенцам великие огорчения. Завезенные еще из Германии саксонские плуги поднимали местную целину со столь великими затратами людской и конной силы, что сии неурядицы привели в уныние даже работающих и

сабан, а доступная при том цена привлекала к нему и внимание сельских хозяев. Генов сабан не только заметно разнился от рядовых украинских плугов внешне, но, главное, был значительно легче в работе. В сабан работы Гена даже на земле второго взмета уже достаточно было всего двух пар крепких волов. Наконец подписанием мира в Париже завершилась в 1856 году столь неудачная для России Крымская война. Ожил одесский и другие черноморские порты, из хлеботорговых губерний степной Украины двинулись к морю обозы чумаков. Привычно набирала обороты хлебозэкспортная торговля.

Геновы плуги расходились быстро и во все возрастающих количествах. Одно заботило Иоганна: основными покупателями его плугов по-прежнему оставались колонисты Тираспольского да Одесского уездов. Но наступала эпоха великих реформ. Отмена крепостного права и переход к капитализму на селе позволили Гену значительно расширить сбыт сабанов не только среди колонистов,

ской округи. Его имя становится известным сельским хозяевам за пределами Тираспольского уезда. Дело стало перерастать возможности Гофнунгстали. Не без грусти постаревший мастер понял, что с кустарной оснасткой сельской мастерской лучшего плуга уже не построить. На семейном совете Иоганн с сыновьями принимает решение о возвращении в Одессу. Но силы механика-самородка уже были на исходе, колонистский плуг стал его лебединой песней.

В наследство сыновьям Карлу и Иоганну Ген передает прибыльное дело, навыки плужного мастерства. Он на собственном примере воспитывает в них трудолюбие, настойчивость и склонность к предпринимательству. В 1880 году дело семьи Ген перешло в руки младшего 26-летнего сына Иоганна, который еще более усовершенствовал "колонистский" плуг. Уже в 1881 году на рынке сельскохозяйственных орудий появляется "новорооссийский" плуг Иоганна Гена. Он завоевывает первую награду на одесской выставке, его замечают сельские хозяева. Так пришло долгожданное признание! Но главное в том, что новорооссийский плуг был рассчитан на работу в конной упряжке!

В 1886 году мастерская выросла в большой завод на Дальничкой улице, 13. С 1891 года завод Гена значительно расширил ассортимент производимой продукции и кроме плугов и веялок стал производить жнеи, кукурузные молотилки и соломоуборочные. В 1895 году завод начал выпускать конные молотилки. К 1893 году помещение на Дальничкой стало тесным, и на Московской улице был выстроен второй завод...

Но вот наступил год 1917! Смутные времена, гражданская война приводят к падению естественных устоев жизни. В 1918 году, в дни недолгой реставрации прежней рыночной экономики в Одессе умудренный горьким опытом Иван Иванович Ген решил не испытывать судьбу. 16 августа 1918 года газета "Одесский листок" сообщила, что заводы "АО И.И. Ген" проданы владельцем за 17 млн. карбованцев группе киевских финансистов. Иван Иванович с семейством навсегда покидает Одессу...

В Берлин И.И. Гена привела не столько естественная для человека в дни испытаний и невзгод тоска по исторической родине, но и дело свойства весьма прозаического. Свои заводы он продал, а точнее, уступил под давлением крайних обстоятельств за полцены с условием оплаты его счетов в Берлине через Немецкий банк валютой. Но попал он из мятежной Одессы, что называется, из огня да в полымя. В ноябре 1918 года последовала капитуляция Германии в первой мировой войне. Затем разразилась буржуазная революция. В смутные времена поражения в голодной, разоренной и униженной стране Иван Иванович Ген в результате девальвации теряет практически все свое фамильное состояние. Впервые почувствовал, что приближается старость, он решает снова бросить вызов своей немилосердной судьбе...

Немало настрадавшись да всего натерпевшись в Германии, И.И. Ген, преодолев всяческие трудности, вскоре возвращается с больной женой Луизой в Бессарабию, край, который соседствовал с родиной его детства. Он окончательно поселяется в Кишиневе и пытается продолжить дело всей своей жизни: вновь основать производство сельскохозяйственных орудий и машин. Ему даже удается изобрести для степей Бессарабии особый плуг-сеялку, но отчасти из-за уже преклонного возраста, а более по неуверенности промышленников и финансистов Кишинева в завтрашнем дне какой-либо поддержки своим замыслам Иоганн Ген в деловых тамошних кругах решительно не находил...

Почетный гражданин Одессы Иван Иванович Ген умер 11 сентября 1938 года в возрасте 84-х лет. Одинокий некролог, затерявшийся на последней странице одной из кишиневских газет, звучал как эпитафия: "И если мы сегодня делаем вывод из жизни причерноморских немцев и отмечаем их культурные достижения, то будет достойным в первую очередь среди наших выдающихся людей помянуть имя Иоганна Гена". Не было ни городской панихиды, ни траурного corteja за катафалком, ни сотен скорбящих на местном евангелическом кладбище. Здесь невольно просится вечное: "Так проходит слава земная".

Пройдут годы. В начале октября 2003 года, в дни празднования в Одессе 200-ой годовщины переселения немцев на юг Украины, о легендарном заводчике не раз вспомнят, а главное, воздадут должное его талантам и трудам...

Александр СУРИЛОВ.

КТО ХОЧЕТЬ БЫТЬ СВОЕЙ ОТЧИЗНЬ ДРУГОМЪ,
ПУСТЬ ПАШЕТЪ „И.И. ГЕНА“ ПЛУГОМЪ!
СЪ НИМЪ КАЖДЫЙ ГОДЪ ЗА ТРУДЪ ОБЫЧНЫЙ
ПОЛУЧИТЪ УРОЖАЙ ОТЛИЧНЫЙ.

упорных немцев. Вот и пришлось им для начала в плужной упряжке лошадей заменить волами. Затем уже без усмешки присмотреться к "сабану" (в переводе с татарского — "праздник перед яровой вспашкой") — плугу, бывшему тогда в большом употреблении у соседней-украинцев. Так и повелось поначалу в немецких деревнях: на мягкой земле употреблялись саксонские плуги, а на целине и плотных черноземах — украинские "сабаны". Как только ремесла в колониях окрепли, тамошние умельцы принялись кто во что горазд приспособлять немецкие плуги под степную пашню. Наиболее преуспел на этом поприще Конрад Бехтольд из Фрейденстали со своим "колонистским" плугом. Недаром образцу его плуга с добрую четверть века подражало большинство немецких мастеров. Иоганн Ген выбрал для себя иной путь...

Иоганн начал свое дело в Гофнунгстали не с привычного там колонистского, а с исконно украинского плуга. Досконально испытав рядовой сабан в поле, увлекся идеей его усовершенствования. Первым помощником в трудах был Иоганну старший сын Карл, в подмастерьях у отца постигавший секреты плужного ремесла. Замечательным по своей простоте и прочности вышел у Иоганна его

но и за счет хлебопашцев из украинских сел. Успехи не вскружили голову Иоганну. Ведь механику, как теперь уважительно величали Гена, приходилось быть, что называется, на чеку. Недаром каждая колония гордилась своим мастером-самородком. Разумеется, подобно нашему левше, никто из практичных немцев-ремесленников "подковать блоху" не покушался. Потому в пореформенный период механику Гену приходилось идти в ногу со временем новым, капиталистическим, а это означало: пришло время строить новый плуг.

Приступая к работе, Иоганн решил "сдружить" свой сабан с плугом колонистским. Для этого он счел необходимым прежде всего заменить деревянный отвал железным и тем придать своему будущему детищу большую солидность в глазах сельских хозяев. Но в отличие от рядовых колонистских плугов, основой стал куда более сложный в изготовлении английский отвал как самый удобный в степи для приличного оборота пластов культурной пашни.

Новый колонистский плуг стал венцом всей практики мастера Гена в Гофнунгстали и первым козырем в конкурентной борьбе. Он упрочил за Иоганном славу первого плужного мастера Глюкстальской колонист-

В ЖАНРЕ ЛЮБОВНОГО ВЕРТЕПА, или ЗАПАХ БРЕГОВИЧА

На сцене Одесского украинского музыкально-драматического театра имени Василя Василько — "Украинский Декамерон". Впервые это словосочетание я встретила когда-то на обложке сборника любовных, а местами даже эротических новелл авторства украинских писателей. Видимо, составители, как и многие досужие читатели, ассоциировали "Декамерон" Джованни Боккаччо только с пряминой тематикой, хотя таковая характерна далеко не для каждой из ста новелл, объединенных в книге.

Пьеса "Украинский Декамерон" киевского драматурга КЛИМА (он настаивает именно на таком написании своего псевдонима) не содержит никаких игр вокруг числа "десять", тут нет ни десятидневника (так переводится с итальянского "декамерон"), ни десяти персонажей, рассказывающих в каждый из десяти дней по сюжету. Важно другое, гораздо точнее сближающее с Боккаччо, а именно исследование жизни человеческого тела и духа в присутствии Чумы и Смерти. Чума порождает смерть; в спектакле же красавица Чума приходится дочерью Смерти. Круг замкнулся, и поди разбери, что первично: яйцо или же курица.

Поскольку спектакль явился первой ласточкой экспериментального проекта "Зритель на сцене", театр взял на себя смелость полностью пересмотреть пространство зрительного зала с точки зрения сценического. Справедливости ради нельзя не напомнить, что в 1998 году нечто подобное было проделано на тех же подмостках, когда странным образом затесавшийся в театр настоящий итальянский режиссер Алессандро Бергамо поставил "Наказание — не мщение" Лопе де Вега. Тогда публика сидела на сцене, актеры тут же. В двух шагах произносили выпревшие монологи, а по зрительному залу пускали перепуганную белую лошадку. Естественно, на премьере скакун оскандалился, оставив там и сям следы своего пребывания. В дальнейшем несчастное животное перед спектаклями не кормили!

Но это так, к слову, чтобы понять, насколько повезло тем, кто всего этого не видел, а занял свое место среди сотни счастливых, составляющих каждый раз аудиторию "Украинского Декамерона". Приятно почувствовать себя вельможей елизаветинских времен, купившим право рассестись среди действующих лиц!

...Занавес поднимается — и перед тобой бесшумно вращается поворотный круг, несущий все три десятка персонажей, каждый из которых занят своим делом. Кто распивает пиво в кругу

друзей; кто точит ножи, втыкая их затем в разделочные доски; кто приплясывает, а все вместе поют... "Бреговичем запахло", — мечтательно прошептала моя соседка справа. "Чистый Кустурица", — одновременно констатировал сосед слева. Мне оставалось кивнуть каждому и порадоваться столь явному балканско-карпатскому темпераменту, который обнаружил режиссер спектакля, он же создатель и художественный руководитель известного одесситам по фестивалям

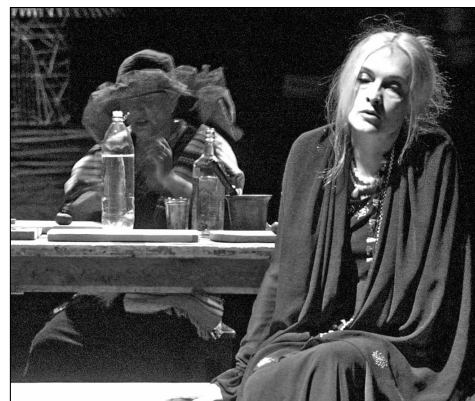
валю "Два дня и две ночи новой музыки" ансамбля "ДахаБраха" Владислав Троицкий. Обитатель театра "Дах" на Красноармейской, который киевляне имеют удовольствие посещать более или менее регулярно, не растерялся на большой сцене васьковцев, обрета себе в помощники одесских художников Наталью Мариненко и Алексея Нужного. Кресла в зрительном зале оказались прикрытыми полотном, через них переброшены мостики, тут и там мерцают зловещие неоновые контуры надгробий с крестами... Пир во время чумы? Да нет, обычная жизнь обычных людей, коим не дано забыть о конечности бытия и роковых опасностях вроде той же чумы, неважно, четырнадцатого или двадцать первого века.

Одесский художник по костюмам Владимир Уманенко, долгие годы одевавший комик-труппу "Маски", сработал отнюдь не шуточно, создав весьма стильные "строи" для персонажей. Фантазия Умы (так зовет его вся Одесса) помогла ему из вышитых красными нитками длинных рушников создать совершенно органично смотрящиеся головные уборы для женщин. Каждая рубаша, плахта или постолык — верх изящества. Черные вечерние платья "городского" кроя достались красавицам Чуме (Нинель Наточая) и

Смерти (Галина Кобзарь-Слободюк), решающим в своих диалогах, на радость или на беду они людям посланы, и вообще, достоин ли род человеческий по делам его лучшей доли.

Ревнители нравственности должны быть довольны: в спектакле нет фривольностей, обнаженных актрис, принимающих двусмысленные позы. Есть разлитая в воздухе над сценическим пространством эротика и вечная тоска по счастью, которое было или не было, которое еще будет или уже никогда не настанет... Вот юная Жена (Людмила Корнейко) прячет Любовника (Вячеслав Казимирчак) под столом от Мужа (Евгений Юхновец), со смущением выслушивая историю о злключениях супруга, попавшего в аналогичную ситуацию. Все персонажи друг с другом очень открытвенны, потому как честны, порой до смешного.

Простодушный Петро (Богдан Паршаков) охотно верит Попу (Сергей Булка), который под видом ангела проникает в спальню к Жене Петра (Диана Малая). Парень даже оставляет парочку наедине, сидя под хатой и переживая, не придется ли лечить женушку после огненных

объятий "высокого гостя" жареной "цыбулей". Но ведь сказано было: от этого союза родится сам папа римский, можно ли противиться? И ничего, что каждый односельчанин знает Петрову супружницу на ощупь, что каждому знакомы ее крики, издаваемые в момент страсти. Только раз одному из насмешников Петр задаст вопрос, любил ли он эту женщину, или просто как помой в яму слил? И тут уже не смешно становится бахвалу — стыдно за себя...

Диалоги то перемежаются аутентичным пением (труппа васьковцев мастерски исполняет и

духовное многоголосие, и народные песни, что высоко оценила киевский хормейстер Анна Охримчук), то дополняются им. Чума и сестра ее Холеера (Татьяна Саковская) увлекают в свой хоровод все новые и новые жертвы. Сама Смерть, принявшая гигантские размеры благодаря черной накидке с капюшоном, не прочь пофлиртовать с Петром. Предпочитаешь светленьких? Молоденьких? Стану такой! Из устрашающей одежды выкалывает кокетливая девушка (Анна Осадчая), сетующая на чрезмерную занятость по работе...

Нет, не объяснить, почему во время этого спектакля то и дело звучат аплодисменты, насколько не напоминающие хлопки из вежливости, которыми награждает в финале публика абсолютно любую постановку. Святое и грешное, древние традиции украинского вертепа и средневековой мистерии со свежим восприятием современного человека, юмор живых, не лишенных вкраплений русизмов диалогов (ну где в народной среде используется рафинированный литературный язык?), энтузиазм актеров всех поколений, занятых в спектакле, — все сложилось необыкновенным образом.

Находились среди первых зрителей "Декамерона" такие, кто сетовал на то, что в речи персонажей порой мелькают слова и выражения "кри-си", "не опозорь мене", "а за бутылку — скажешь?". Что можно им ответить? Даже кинематографистам уже негласно позволено озвучивать фильмы не на условном украинском, как это делается при переводе иностранных кинолент, а близко к реальности, с сохранением индивидуальных особенностей лексики конкретного героя. Отныне никого не должно удивлять, что в украинском кинематографе речь столичного профессора будет отличаться от выражений крестьянки из Закарпатья, моряка из Одессы или крымского винодела. Вот только почему ревнители чистоты языка молчали, когда на сцене васьковцев шел спектакль по переведенной с русского суржика пьесе, где произнесение ужасающих слов "парык" и "кофэ" было ничем не оправдано?

Кто старое помянет, тому глаз вон. Последние пять лет Одесского украинского музыкально-драматического — это "Принцесса Брамбилла" в постановке Гедрюса Мацквичюса, "Счастье рядом" и "Эдин" Дмитрия Богомазова, "Кураж" Игоря Равичко, "Сон в летнюю ночь" и "Шельменко-денщик" Владимира Туманова. За "Украинский Декамерон" театру не будет стыдно на любом, даже самом престижном фестивале.

ИТАК, ОНА ЗВАЛАСЬ АСМАТИ...

ском конкурсах в номинации юных композиторов.

Через два года Асматина стала также победителем заключительного этапа Второго всеукраинского литературно-музыкального вечера "Соборы наших душ" и городского конкурса композиторов имени Юрия Знатюка. В 2000 году ей вручили диплом за участие во Всеукраинском фестивале детского композиторского творчества "Орфей". Самыми же высокими наградами для девочки стали благодарности от консулства Грузии в Одессе за активную помощь в проведении концерта, посвященного Дню независимости Грузии, а также грамота посольства Грузии в Украине за популяризацию грузинского искусства в нашей стране, развитие и укрепление дружественных украинско-грузинских взаимоотношений и участие в фольклорном фестивале "Весенние ласточки — 2002".

Можно только представить себе, как способна эта хрупкая со строгим взглядом девочка прославить наш город в будущем. Ее сверстницы в большинстве своем еще не определились в жизни, ищут веселья, развлечений, а Асматина на дискотеках не интересно, сходилась с подружками раза два, и все, как отрезало. Изучать и сочинять музыку гораздо интереснее! Когда родители выбирали для дочки имя, они остановились на имени сестры Автандила из поэмы Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре", поскольку оно для каждого грузина является символом чистоты, искренности, целеустремленности.

Мама Асматина, Лия Георгиевна, целый альбом заполнила грамотами и дипломами дочери, впрочем, аналогичный имеется и у старшего брата Сосо, студента Национальной академии пищевых технологий: тут и дип-

лом "Рыцаря охраны Черного моря", и грамоты за победу в конкурсе "Одесса — мой город родной" (мальчик, недавно на тот момент приехавший из Грузии, проявил лучшие знания топонимики города), за двенадцатое место (из ста участников) на велоралли "Сто километров за десять часов по Поясу Славы", за участие в экспедиции "Днепр-97" Фонда защиты и возрождения дикой природы имени профессора И. Пузанова, а также за участие в фотоконкурсах и конкурсах фотохудожников... Вот какие необыкновенные дети в этой семье.

— Нося Асматина под сердцем, я готовилась к вступительным экзаменам в консерваторию, — вспоминает мама. — Училась заочно в филиале Тбилисской консерватории в Кутаиси. Много занималась сольфеджио, гармонией, игрой на флейте. Студенты шутили по поводу музыкальных способностей Асматина: "Что вы хотите, она же наша однокурсница!". Уже в четыре года дочка импровизировала на фортепиано, не зная нот. В пятилетнем возрасте мы с ней играли в четыре руки для передачи "Хотите верьте, хотите нет" грузинского телевидения. А в семь лет я отдала ее в музыкальную школу.

Семья Чибалашвили жила в городке Телави в Кахетии, на родине легендарного Мимино, то есть летчика Валико Мизандари, героя одноименного фильма Георгия Данелии. Тридцать тысяч жителей, две музыкальные школы, музыкальное училище, собственная четырехкомнатная квартира, любящий и понимающий супруг, чудесные дети, добрые соседи — ничто не предвещало грядущих перемен, войны, голода, месячных перебоев с электричеством... Маленькая Асматина поджидала момента, когда "дадут

свет" хоть на пару часов, чтобы послушать пластинки с записями любимой оперы Захарии Палиашвили "Абесалом и Этери". Когда девочке исполнилось восемь лет, родители поняли, что в воцарившейся неразберихе ее талант развить не удастся.

Мэр Телави даже письменно обратился к Эдуарду Гурвици как городскому голове Одессы с просьбой помочь семье, указав, что для развития творческих способностей Асматина нет условий не только в Телави, но и во всей Грузии.

Уже потом, в нашем городе, Лию Георгиевну и Александра Иосифовича спрашивали: "Почему именно к нам?". В выборе сыграло решающую роль наличие в Одессе консерватории, филармонии, оперного театра. А еще слышали супруги Чибалашвили об уникальных душевных качествах одесситов. Конечно, как выяснилось, не все уроженцы Одессы столь добры и сердечны, как о том ходят легенды, но все же нашлись те, кто помог. Папа получил работу в порту, мама стала преподавать игру на флейте в музыкальной школе № 11, основала и возглавила ансамбль "Серебряные флейты", немало сил отдала грузинской воскресной школе. Все трудности переносились ради Асматина, которая на удивление легко, с большим опережением программ училась в ДМШ № 2 имени Глазунова, умудрилась сходить, не заканчивая музыкальное училище, сдать вступительные экзамены в Академию музыки имени А.В. Неждановой, а общеобразовательную школу окончить экстерном. Всего в пятнадцать лет девочка уже попала на курс к профессору Георгию Успенскому. В классе Кармеллы Цепколенко она занимается второй год.

Еще в Телави девочка в качестве

вольнослушательницы посещала лекции по гармонии в музучилище, схватывая все буквально на лету. Ее первый педагог в Одессе, Валентина Письменченко, не могла нарадоваться на способную ученицу, обладающую необходимой мерой чуткости и вкуса. Асматина начала занятия под ее руководством в ДМШ № 4, а потом обе перешли в ДМШ № 2, не успев опомниться, как пришла пора студенчества...

— Мы с мамой постоянно посещаем концерты фестиваля "Два дня и две ночи новой музыки", — рассказывает Асматина. — Не все одинаково нравилось, но всегда интересно бывает познакомиться с современным музыкальным искусством, стараясь разбираться в авангардных способах записи музыкального текста — они совершенно необычные! Сама уже пишу музыку в камерно-инструментальных жанрах.

Вот уже три года Асматина работает концертмейстером в той же ДМШ № 11, где Лия Георгиевна преподавала игру на флейте.

— На Асматина я обратила внимание буквально с первого курса, — рассказывает Кармелла Цепколенко. — Это очень талантливая и трудолюбивая девочка, всегда умеющая эффектно представить плоды своего труда. При условии, что она станет профессионалом и сумеет проявить необходимые для композиторской работы личностные качества, ее действительно ждет большое будущее. Нет задания, которое бы она не выполнила с фантазией, выдумкой, творческой одухотворенностью. Произведение для симфонического оркестра, которое обычно пишут на пятом курсе, у нее уже готово. Значит, у нас с ней есть время написать еще несколько произведений...

САВИНА В ОДЕССЕ

**"Лавры, то потом,
а сначала горе да слезы".
Кручинина
в пьесе А.Н. Островского
"Вез вины виноватые".**

Провинциальный артист Гавриил Подраменцев, выступавший под фамилией Стремлянова, заключил контракт с одесским Городским театром и вместе с семьей переехал из Каменец-Подольска в южный город.

Старшая дочь Маня была определена в один из лучших пансионов города, пансион г-жи Нейман, воспитанниц которого привлекали к исполнению детских ролей в спектаклях Городского театра. В это время и начинается сознательная сценическая деятельность Марии, "девицы Стремляновой", как значилось на афишах, будущей знаменитой Марии Савиной.

Первой ее ролью была роль Флоретты (Эсмеральда) в драме "Эсмеральда, или Алая башмачок", поставленной на сцене Городского театра.

Ей тогда было восемь лет.

Через три года пансион был закрыт, и Маня в числе других учениц перешла в только что открывшуюся первую в Одессе женскую гимназию фон Огlio.

В гимназии, как и в пансионе, ее брали играть на сцене роли детей. Ее большая и лучшая роль была в драме "Нищая", где она играла девочку, а роль ее слепой матери исполняла актриса Е.А. Фабианская, любимица одесской публики.

В 60-х годах в Одессу приехал на гастроли знаменитый драматический артист Александровского театра Василий Васильевич Самойлов. Любимой пьесой в его репертуаре была "Испорченная жизнь", где была большая роль мальчика Пети. Марию снова взяли из гимназии на неделю учить и репетировать эту роль. И снова Мария имела огромный успех, и ее вызывали наравне с Самойловым. Когда Самойлов выходил на вызовы, публика требовала выхода мальчика Пети, и тогда брат гастролера, он же директор театра А.В. Самойлов, взял Манечку на руки, поцеловал и вынес на сцену.

Зайдя в уборную к брату, он воскликнул:

— Вася! Знаешь, эта девочка Маня Стремлянова будущая звезда, помни мое слово!

Василий Самойлов, не любивший делиться успехом, ответил:

— Все это, может быть, и верно, но я, знаешь, астрономией не занимаюсь, но небо не смотрю и звезд не замечаю.

Эта пьеса пользовалась успехом и пришлось ее повторять несколько раз, а так как Мария вообще много играла в этом сезоне, то антрепренер решил вознаградить юную артистку бенефисом, из которого четверть сбора прилась бы на ее долю. Имя ее стало настолько популярно в Одессе, что и отец согласился на это предложение, решив воспользоваться присутствием в Одессе Самойлова. Однако знаменитый артист отказался.

— Я даром ни для кого не играю и уезжаю послезавтра, — ответил он.

Бенефис все-таки состоялся. Самойлову заплатили все, что он просил, а бенефициантка кроме конфет получила три букета цветов, как взрослая.

Через год в бенефисе комической старухи Шван "с большим выражением, с настоящей мимикой, с глазами то детски улыбающимися, то ребячески-суровыми Манечка спела куплеты "Мужчины на свете, как мухи к нам льнут"... Пьеса часто повторялась и давала полные сборы: публика ходила смотреть на Маню Стремлянову.

Но скоро наступили в ее жизни перемены. У отца испортились взаимоотношения с руководством театра, и он должен был покинуть Одессу, где семья прожила семь лет.

17 января 1879 года на сцене Александровского театра в бенефис Марии Гавриловны Савиной (она была уже замужем за артистом театра Савиным) в комедии Тургенева "Месяц в деревне" она имела огромный успех в роли Верочки. Автор пьесы приехал из Парижа в Петербург 8 февраля и на второй день приезда пригласил Савину к себе в гости в Европейскую гостиницу. Она очень волновалась перед встречей, но Иван Сергеевич приветливо встретил ее, протянул обе руки и направился ей навстречу. "Чем-то таким теплым, милым, родным повеяло от всей его богатой фигуры, — писала она позже. — Это был такой симпатичный, элегантный "дедушка", что я сразу освоилась и, забыв свой страх перед "Тургеневым", заговорила как с обыкновенным смертным".

— Так вот вы какая молодая! Я представлял вас себе совсем иною. Да вы совсем и непохожи на актрису, — сказал Тургенев.

Так состоялся знакомство Савиной с Тургеневым. Писатель был очарован ее молодостью, застенчивостью и непосредственностью. Получив приглашение от Савиной в театр, он

15 марта присутствовал на спектакле "Месяц в деревне". После третьего действия Иван Сергеевич зашел к Марии Гавриловне в уборную, взял ее за обе руки, стал рассматривать ее лицо и сказал:

— Верочка... Неужели эту Верочку я написал?! Я даже не обращал на нее внимания, когда писал...

В мае 1880 года Тургенев получил в Спасском-Лутовинове известие от М.Г. Савиной, что она заключила контракт с одесским театром, и 16 мая будет ехать через Мценск в Одессу, где ей предстоит выступать в спектаклях. Тургеневу, проявлявшему большое внимание к Савиной, хотелось снова повидаться с ней и показать свои родные места и родовое имение Спасское-Лутовиново.

На платформе станции Мценск появилась хорошо известная местным жителям высо-

М.Г. Савина

кая, широкоплечая фигура Тургенева с цветами в руках, встречающего московский поезд, в котором ехала молодая актриса покорять одесситов. Всмотриваясь в окна вагонов первого класса, он узнал знакомые очертания лица и темные глаза Марии Гавриловны. Тургенев вошел в вагон и сопровождал ее до Орла. Писателя интересовали детали подписанного ею контракта, количество спектаклей, в которых одесситы увидят знаменитую актрису.

Уже в Орле на предложение Тургенева выйти из вагона на перрон, Савина ответила отказом. Третий звонок. Поезд медленно отходит... Савина, высунувшись из окна, слышит последнее слово Тургенева, обращенное к ней: "Отчаянная!". Это слово заставляет ее задуматься, но разъяснение приходит в интимном письме из Спасского-Лутовинова, которое он запечатал перстнем-талисманом Пушкина. В письме говорилось: "...Когда вчера вечером я вернулся из вокзала — а Вы были у раскрытого окна — я стоял перед Вами, молчал и произнес слово: "Отчаянная". Вы его применили к себе — а у меня в голове было совсем другое... Меня подмывало уже точно отчаянная мысль: схватить Вас и унести в вокзал... Третий звонок раздался бы..." Но благо-разумие писателя взяло верх, и ничто не мешало Савиной продолжить путь в Одессу.

Проводив Савину, Тургенев очень часто писал ей большие и теплые письма. Так, в письме, адресованном в Одессу, уже 17 мая он сожалел, что Мария Гавриловна не задержалась в его усадьбе: "...Сегодня — день, предначиненный на Ваше пребывание в Спасском, — словно по заказу: райский. Ни одного облачка на небе — ветра нет, тепло...". И вспоминая о произнесенном на перроне слове "Отчаянная", представил себе, что было бы, если бы она отстала от поезда: "Что было бы в журналах!! Отсюда вижу корреспонденцию, озаглавленную: "Скандал в Орловском вокзале". "Вчера здесь произошло необыкновенное происшествие: писатель Т. (а еще старик), провожавший известную артистку С., ехавшую исполнять блестящий ангажемент в Одессу, внезапно, в самый момент отъезда, как бы обуян бесом, выхватил г-жу С-ну через окно из вагона, несмотря на отчаянное сопротивление артистки..." каков гром и треск по всей России!"

Уже через день, в письме от 19 мая, он изложил свое чувство: "...Мне даже трудно объяснить самому себе, какое чувство Вы мне внушили".

Предполагая, что в связи с кончиной импе-

ратрицы Марии Александровны 22 мая театры могут быть временно закрыты, он шлет из Мценска телеграмму: "Марии Савиной. Одесса. Летний театр Форкатти. Если театр временно закрывается, не заедете ли в Спасское, я там буду с 29 мая по 3 июня. Телеграфируйте, коли можно, в Москву, Удельная Контора, назначьте день приезда в Мценск. Тургенев".

А 27 мая писатель пишет Савиной уже из Москвы. "Милая Мария Гавриловна. ... Я получил и письмо Ваше, и телеграмму. Вы, стало быть, будете продолжать свои дебюты (Надеюсь, что в Одессе сыщутся критики умнее тех, образчик ума которых Вы мне прислали) — и останетесь там до 1-го июля... Надеюсь, что Вы всецело предались своему искусству. Не знаю, когда и где мы увидимся — но знаю, что я буду счастлив видеть Вас. Вас искренне любящий Ив.Тургенев".

Писатель не оставляет Савину без внимания, и 4 июня 1880 года уже из Москвы сообщает ей о своем отъезде 12 июня в Буживаль (Франция): "Надеюсь, что Вам хорошо живется в Одессе — и театральные дела пошли должным ходом — и Ваши прелестные глаза уже не оутманы хандрой..."

Р.С. Видели Вы, что Ваши журналы разгласили о моем приезде в Одессу? Это могло бы случиться — да не случилось".

Савина ехала на гастроли в Одессу, в летний театр Форкатти с гастрольной труппой, состоящей из александровских и провинциальных артистов.

Театр Виктора Людвиговича Форкатти располагался в грандиозном бревенчатом здании, построенном в русском стиле архитектором Масом, внизу Приморского бульвара, в саду (который одесситы называют Лунным парком).

"Он первым познакомил одесситов с кафешантаном жанром, и по вечерам, задолго до начала представлений, толпы горожан спускались по большой бульварной лестнице в сад, расцвеченный разноцветными фонариками. В этом театре выступали не только выписанные из-за границы лучшие артисты, но и приглашенные из Москвы, Киева русские певцы и куплетисты".

Об этом театре рассказал в своей книге "Старая Одесса" Александр Михайлович де-Рибас, внук Феликса де-Рибаса, родного брата основателя Одессы адмирала Иосифа де-Рибаса.

"Кто не помнит произведшего на всех ошеломляющее впечатление своими веселыми выходками знаменитого еврейского квартета братьев Земель?.. "Паулина", "О, Пепита", "Их

Маня Подраменцева в Одессе

бин шнейдер" и много других артистически исполненных квартетов.

Нельзя не отметить в исполнении как братьев Земель, так и вообще всех артистов сада Форкатти отсутствие пошлости.

Пикантно, женственно-грациозно была русская певица Столлинг. Великолепен был Рига, "человек о тридцати шести головах".

А чудный тец Григоровский, старик, передававший с такой серьезной теплотой стихи Розенгейма, Некрасова, Курочкина. А цыганский, настоящий, из Москвы, цыганский хор, расположившийся в саду шатрами...

Из лучших эпизодов жизни этого театра надо отметить приглашение в Одессу любимицы и гордости русской сцены М.Г. Савиной. Она приняла участие в нескольких спектаклях труппы, в которой в то время между прочими артистами отличался В.Н. Давыдов. Маститый артист не гнушался тогда выступать в во-

девилах и даже участвовать однажды в веселой пародии еврейского квартета Земель, но он играл тогда же и свою хорошую, драматически-трогательную роль в "Нахлебниках" Тургенева.

М.Г. Савина обратила на игру Давыдова особое внимание, оценила его и предложила ему перейти на сцену Александрийского театра".

Гастроли Савиной в театре Форкатти на протяжении более двух месяцев, с 20 мая по 28 июля 1880 года, проходили с большим успехом. По выражению В.Н. Давыдова, Савина имела "сногшибательный" успех: "Последний спектакль был сплошным триумфом артистки Савиной. Когда мы вышли на улицу, Савину встретила громадная толпа с факелами, освещавшими дорогу до Северной гостиницы в Театральном переулке.

Под ноги артистке бросали ковры, венки, букеты, женщины обнимали и целовали Савину. Наконец все это шествие остановилось у гостиницы, и Марья Гавриловна несколько раз выходила на восторженные крики толпы благодарить Одессу за сердечное отношение".

Во время поездки в 1889 году товарищества артистов во главе с Савиной в украинские города в Одессе труппа сыграла пять спектаклей. Савина тогда получила два адреса. Один от киевских студентов, второй — от одесских. В своем адресе одесситы писали: "Высокоуважаемая Мария Гавриловна! Короткие гастроли, которыми вы нас подарили в нынешний приезд, оставили в наших сердцах невыразимое впечатление. Обаяние вашего таланта, столь высокое, чудные, столь жизненно созданные редким дарованием типы, так хорошо оценены интеллигентной Россией, что вряд ли мы, благодарные вам студенты, можем что-либо еще вложить в лавровый венок вашей славы, кроме русского "спасибо" за доставленное нам художественно реальной игрой эстетическое наслаждение".

Следующие гастрольные посещения Савиной Одессы были в 1890 и 1893 годах и прошли блестяще.

Вспоминая о приезде в южный город в 1893 году, она рассказывала в письме своему хорошему знакомому В.И. Базилевскому о явившемся к ней каком-то человеку с целью "узнать мнение о Тургеневе". "Но Вы, конечно, поймете, как я приняла и что могла сказать. (Об этом "визите" к актрисе сообщила газета "Одесский листок" в № 135 за 1893 г. в статье "У М.Г. Савиной". — авт.). Этот американский клоп под кличкой "интервьюера" развился и привился (как и всякая, впрочем, нечисть) в России. Это кем-то узаконенные воры. Придут в квартиру, высмотрят все, выведуют ваши мысли против вашего желания и на другой день публично все это преподнесут. И что особенно досадно: им охотно платят. А за то, что они от себя прибавят и налгут, ответственности никакой. Возмутительно!.."

В 1899 году, в день чествования 25-летия артистической деятельности Марии Гавриловны Савиной было высочайше пожаловано звание "Заслуженной артистки". Франция отменила ее дарование медалью "Академические пальмы", другие государства — различными орденами. В этом же году она дала несколько представлений в Берлине, где имела ошеломляющий успех.

Она еще приезжала в Одессу в 1902, 1904, 1908, 1910 и 1911 годах. В мае 1911 года в одесском репертуаре Савиной были "Без вины виноватые" А.Н. Островского и "Обыкновенная женщина" А.М. Федорова. Эти представления состоялись в театре Сибирякова, расположенном на углу улиц Херсонской и Конной (ныне Украинский театр).

Уполномоченный Совета Российского театрального общества С.А. Ландесман вспоминал, как, бывая в Одессе, "Мария Гавриловна в небольшой компании артистов отправлялась ужинать в артистический кабачок Коровина на Ланжероновской улице или к Кузнецову, под зданием Биржи на Пушкинской улице, есть блины, и мило, тонко и остроумно она поддерживала общее веселье, внося в него и товарищеский дух, и неподдельную простоту.

Она любила Одессу, любила юг с его знойными днями и сюда часто приезжала отдохнуть недельку-другую, обычно пользуясь гостеприимством В.Е. Шульц на ее даче, находящейся на Французском бульваре...

Артистку редкого таланта, прекрасную исполнительницу ролей разного жанра, "чародейку сцены", как называли Савину строгие, взыскательные и благодарные одесситы, всегда встречали тепло, радушно, с любовью.

Хочется закончить очерк словами самой Марии Гавриловны Савиной: "В Одессе я впервые вошла в театр, сначала зрительницей, а затем и актрисой. Здесь совершилось мое посвящение искусству, которое затем постоянно заменяло мне путеводную звезду, которому я отдалась всем существом, выбрав девизом, целью моего существования три слова: "Сцена — моя жизнь".

В Одессе я вступила на сцену робкими детскими шагами и горячо полюбила ее... на целую жизнь".

Павел ЦАУДЕР,
Сан-Франциско.

Фотография, как думается мне, вовсе не смерть момента, а жизнь. Одушевленная иллюстрация к истории нашей.

Однажды взяв в руки фотоаппарат, мне удалось ощутить это. Прочувствовать время как плотный слой морской воды, сквозь который проникают лучи солнца. И это дало не сравнимое ни с чем чувство свободы.

Фотография для меня — прежде всего свобода.

Нет репортажной, постановочной или пейзажной фотографии. Есть просто жизнь и отдельные ее моменты, на которые и ставит свои акценты фотограф. Близкие мне люди живут в этом же понимании фотографии. И в моих работах запечатлена какая-то частичка их жизни. За что им огромное спасибо.

Искренне Ваш фотограф,

Лиза КОВАЛЬ.

Владимир КАТКЕВИЧ

Военные негры с Фонтана

Так их называли не только дети. Иностранные слушатели появились на 6-ой станции Большого Фонтана в середине шестидесятых akurat в паузе между Карибским кризисом и войной Израила с Объединенной Арабской Республикой. После ухода из альянса с обидой Сирии ОАР, как известно, так и осталась Объединенной, может, в надежде, что соседи все-таки, намыкавшись среди колонизаторов, одумаются и вернутся для совместного сопротивления.

Если территория зенитно-артиллерийского училища, что на 3-ей станции, со значением столбилась с помощью литых пушечных стволов времен Крымской войны, они до сих пор кое-где в строгой ораде вместо несущих колонн, то забор территории среднего военно-технического училища на 6-ой стройбатовцы городили из дырчатых блоков, в каменных кружевах тонкой работы даже присутствовал легкомысленный курортный мотив. Да и само величественное здание с колоннами, портиками, двумя арками выглядело современнее, не таким безнадежно казенным, как, скажем корпус кирпичной кладки в артиллерийском. При закладке фундамента на 6-ой в соответствии с требованиями проекта в восточный флигель угнездили многотонную ПУ, пусковую установку, а потом уже выложили стены. Получилось, что не в сарае, не в боксе, а в типовом учебном классе стоит вращающаяся пусковая, правда, с укороченной стрелой, и многие поколения будущих ракетчиков дивились циклопической затее. Возможно, снятая лет сорок назад с вооружения пусковая до сих пор занимает место, а из класса сделали музей ракетной славы.

В среднее военно-техническое принимали крепких парней, многие поступали после трех лет службы в армии, и в училище освежали напрочь забытые знания по начальной физике, изучали электротехнику, баллистику, другие дисциплины в объеме программы серьезного техникума.

В памяти преподавателей, которые сами после ускоренных войной офицерских курсов учились заочно в гражданских вузах, еще была служба на ленд-лизовских локаторных станциях канадского происхождения. Когда однажды в сырую погоду в канадской будке пробило на корпус, офицер наведения выскочил и упер голову в бруствер, чтобы выпустить шальные электроны в землю. Потому старались учить как следует.

Курсанты изучали ПУАЗО, прибор управления зенитным обстрелом, целились в фонтанское небо из длинноствольных пушек в загороженном для секретности щитами дивизионе обеспечения. Или играли с криками "пас" в волейбол, и с трамвая замечали, как парни в одинаковых голубых майках взлетают над сеткой. Или маршировали с песней "Солдаты в путь". Дважды в году зенитчики месяца по два под ухаживающий барабан горелись к парадом и дружно кричали "здрала тыщ генерал" начальнику училища. Уважавший парады генерал приглашал пышные, как у Буденого, усы и говорил кордебалет:

— Маршировали вы, прямо скажем, неважно, но могло быть и хуже...

В самоволки ходили в дежурном шерстяном "мастерском" костюме с буквами "СССР" на груди. Получив звездочки техников-лейтенантов, целовали знамя, играли на поселке судоремонтного завода свадьбы и везли подруг в гарнизоны к ракетным позициям.

Наших курсантов еще не успели перевести в училища родственного профиля, учебный процесс продолжался в соответствии с графиком, когда автобус привез первую партию, человек шестьдесят, до роты, с острова Свободы. Поскольку угадали перед Новым годом, а зимнего обмундирования у кубинских курсантов еще не было, как, впрочем, и летнего, им выдали ушанки, у которых разрешалось опускать уши, и шинели без погон и без ремней. Ушанки с дуплами от кокард на кудрявых головах почему-то приобретали неистребимую округлость. Кубинцам разрешалось покидать территорию в форме, скажем, за бубликами сбежать или на почту поблизости.

Общественная жизнь окрестных кварталов фокусировалась на угловой сталинской четырехэтажке, где находились булочная, аптека, гастроном и винарка, в подсобке последней выпивали военные музыканты после халтур на похоронах от "жмурконторы". Обитатели частного квартала, застроенного бестолково и тесно, надеялись, как, кстати, и жители других отшибных районов, что добротные "сталинки" шагнут в их опостылевшую кудрявость, которую традиционно обозначали курортной, и они переселятся в благоустроенные квартиры, где не надо у порога снимать галоши, но строительный размах на угловом доме споткнулся.

Почты в сталинке не предусмотрели, кубинцы ездили за посылками на трамвае.

Кондукторши, обращавшиеся даже к нашим офицерам с двумя просветами на погонах однозначно: "Мальчики, не стесняйтесь брать билет!", — с кубинцев трех копеек не требовали.

Баба Киля, торговавшая на остановке семеч-

ками, старалась военным неграм, выглядевшим пугалами, насыпать бесплатно жменю семечек. Точно так же она жалела пленных немцев, которые здесь же, на 6-ой станции, распускали на пилонах бревна на доски-сороковки. Баба Киля старалась всучить пленным морковку или пузырек из-под микстуры, чтобы конвой не заметил. Банками или просто осколками, обмозанными глиной, пленные стеклили окна в бараках, чтоб хоть как-то спастись от сквозняков. Доброй женщине казалось, что и кубинские мальчишки тоже испытывают лишения, когда видела торчащие из рукавов худые руки всех возможных оттенков. Будущие ракетчики вырастали из обмундирования, озадачивая интендантов. Видимо, на острове было непросто найти грамотных абитуриентов, возраст колебался в довольно широком диапазоне, от нежного юношества, когда в аптеках краснеют, покупая презервативы, до тридцати, столько было команданте Мануэлю, участнику штурма казарм Монкада. Мануэль перед отправкой сбрил цыганскую бороду, на фотографии же в удостоверении личности офицера был в бороде и выглядел на пятьдесят.

В доме отдыха "Маяк", который местные обозначали "Синяком", на танцах залетные хулиганы показательно избивали темнокожего слушателя Луиса Баррета, тогда считалось дерзостью нападать на негров. Через неделю в отместку фонтанские ребята подрезали обидчика. В училище наведальсь розыскники из уголовного. Команданте запретил увольнения, но генерал объявил кубинцам амнистию, он относился к ним по-отечески, как к испанским детям в 38-ом. Правда, на танцах стал маячить человек в черном гэдзэровском плаще, капитан Лукин из особого отдела.

— Ваш контрик цинкует, — предупреждали местные ребята кубинцев, танцевавших польки с сорокалетними дамами. Дамы отдыхали по тридцати-процентным льготным профсоюзным путевкам.

Местные ребята, в общем-то, тогда еще с уважением относившиеся к людям в форме, воспринимали кубинцев детдомовцами, а негров и негритят жалели особо, как парней, которым не очень повезло с цветом кожи. Свое расположение обитатели частного сектора обозначали предложением выпить плохого вина, и революционные друзья с опаской пили, чтоб не обидеть, тяга к спиртному у островитян так и не прорезалась.

Пьяные вспоминали к ситуации, что кубинцы не первые иностранные военные на Фонтане, что в 45-ом в пехотном училище югославы, которые ходили в порт-клуб на танцы, где все девушки были их, пока не испортились отношения с маршалом Тито.

— Тито оппортунист, — просвещали юных кубинцев пьяные в возрасте, — а ваш Фидель не мудака.

К следующей зиме кубинцам справили из шинельного сукна расклешенные пальтишки и вместо ушанок выдали фуражки, напоминавшие красивые фашистские. Юным слушателям нравилось козырять всем подряд. Солдаты батальона обеспечения, подметавшие на территории окурки, понятное дело, кубинским пацанам честь не отдавали, и те не обижались.

Ожидали прибытие новой партии иностранцев, откуда именно приедут, не оглашали, неизвестность интриговала. Вольнонаемных строго предупредили, что с новенькими надо держать ухо востро, потому что они могут сотрудничать с американской разведкой.

В феврале тот же автобус привез десятка три египтян, офицеров с университетским образованием. Они курили американские сигареты из ладони, фланкировали к ларьку военторга во фланелевых мундирах с орлами на погонах и спрашивали французскую туалетную воду "Алоис". Туалетной воды, конечно, не было, и торговавшая носками и гуталином Тамилла предлагала офицерам одеколон "Кармен", который пользовался широким спросом у кубинцев из-за того, что на этикетке была изображена цыганка. Египтяне нюхали флаконы, но не покупали.

Один из кубинских кадетов забыл козырнуть египетскому капитану, нарушителя военного порядка вычислили, им оказался незадачливый сталинки по-своейски называли Ленчиком. Команданте Мануэль наказал Ленчика неувольнением. Это было некстати, потому что у Ленчика к тому времени завелась лав, Эля, десятиклассница из интерната для слаборазвитых детей. Языкового барьера у влюбленных не существовало, на сеансах в летнем кинотеатре "Лето", когда в смешных эпизодах зал прыскал, Элеонора издавала нежные птичьи звуки, так как была от рождения глухонемой. Девушка происходила из бедной многодетной еврейской семьи, не обремененной предрассудками. Батюшка Эли Фима развозил на трамвае телеграммы, которые перечитывал, высовываясь по пояс в окно трамвая. По выходным Фима обходил без приглашения богатые свадьбы, с тросточкой, и на чаплинский мотив декламировал приветствие одесского почтальона. Времени на воспитание не оставалось, потому роман с революционным негром не осуждался.

После израильского "блиц крига", и позорно-го бегства египетской армии трофейные пусковые установки ракетно-зенитного комплекса "Волхов" были выставлены в Тель-Авиве для обозрения. Кубинцы перестали отдавать честь египтянам. Египтяне ворчали, что им продают устаревшие ракетные комплексы "Волхов", а кубинцам последние усовершенствованные "Десна", поражающие низколетящие цели, дескать, потому и проиграли.

В июне последние советские курсанты третьего курса покинули Фонтан и были расфасованы по училищам электротехнического профиля в Саратове и Энгельсе. Училище было реорганизовано в высшее командно-инженерное объединенное ордена Отечественной войны второй степени, звания преподавателей повысили на порядок. Слово "объединенное" предполагало обучение ракетной стрельбе иностранцев, для комфортного проживания которых стройбат ударно строил спальный корпус на девять этажей. Из адъютантур Харьковской академии имени Говорова и Минской академии прибыли преподаватели с учеными степенями.

Теперь вместо наших курсантов на спортплощадке азартно играли в футбол индонезийцы, выкрикивая в запале игры звуки, похожие на звон колокольчика. Футбольное поле безраздельно, все пять лет учебы, оккупировали индонезийцы, улыбчивые дисциплинированные ребята. Порывались организовать международные спартакиады, чтобы, как говорится, дурные мысли не посещали голову, но идея не задась. Африканские слушатели предпочитали после занятий бродить тенями по обрывам над пляжами и тарашиться на женщин, даже при самой свирепой жаре они не разоблачались.

Интересующиеся девушки, к сожалению, могли видеть иностранцев во всем военном великолепии только через узорчатые дырки в ораде, появляться за территорией в форме запрещалось даже в национальные праздники. Дни Республики, Революций, Независимостей, дни рождения вождей, прогрессивных монархов и диктаторов следовали бесконечной чередой с частотой раз в неделю, а то и два. На праздники было положено являться при аксельбантах и торжественно под звуки гимна равняться на государственные флаги. Жаль, что девушки видели парадные мундиры с расстояния выстрела, право, было на что посмотреть! Алжирцы носили флантовые расклешенные голубые шинели. Эффектно выглядели иракские кадеты. Сирию представили трое офицеров, самых последовательных марксистов, они целиком отдавались занятиям и отнюдь не собирались брататься с египтянами. От Афганистана на первых порах присутствовал всего один молодой полковник с саблями на петлицах, внешне похожий на актера Филиппова.

Форма монголов практически ничем не отличалась от нашей, почему их выпускали в ней в город. Когда патруль впервые увидел ядовитого-ва-силыковый цвет курсантских погон, характерный для ведомства на Лубянке, он решил, что нерусских стали принимать в школу КГБ. Монголы и кубинцы обучались на последних комплексах, поэтому в спецклассах, где на козлах стояли разрезанные ракеты, которые назывались изделиями, ЖРД и ПРД, соответственно жидкостные и пороховые реактивные двигатели, и радиовзрыватели "Шмель", были предусмотрены меры секретности. Перед проникновением из коридора в секретный класс необходимо было нажать кнопку звонка. Чтобы нельзя было заглянуть из коридора, классы были оборудованы тамбурами с полами из плотного сукна. Преподаватель, звонивший в монгольский класс, где происходила самоподготовка, слышал, как спешно прячут домино. В монгольских классах стоял неистребимый запах кирзы.

Рота сомалийских курсантов, долговязых худых негров, была облачена в тропические мундиры из бежевого хабэ, и не миновать бы им наших шинелей без погон, если б не ухудшение отношений. В связи с ухудшением отношений между нашими странами сомалийцы курс так и не окончили. А индонезийцы, носившие на стриженых затылках округленные с национальным мотивом пилотки, напоминавшие шапочку доктора Сукарно, продолжали доучиваться даже после прихода к власти Сухарто и истребления на архипелаге трех миллионов настроенных прокитайски коммунистов. От индонезийцев не шарахались, а даже сочувствовали им, понимая, что по возвращении на родину они могут быть подвержены репрессиям.

В индонезийском подразделении учился последний принц, у которого было много братьев и сестер от разных мамаш. В группе конголезцев обучался Джекоб Молифе, сын одного из вождей борьбы за независимость. Джекоб успел поучаствовать в боях, был ранен, потерял глаз. Когда в 411-ом госпитале ему нужно было вынуть глазной протез и прочистить рубец раны, автор присутствовал при этой несложной операции в качестве толмача.

На 6-ую приезжал к своему отпрыску Чрезвычайный и полномочный посол Монголии в СССР.

Здесь неоднократно бывал министр обороны Кубы Рауль Кастро, Генеральный консул Кубы в Одессе, другие консулы. На рубеже семидесятых в училище постигали секреты ракетной стрельбы кадеты и офицеры из 18 государств. Цифра эта всегда была "плавающей", уезжали одни, даря на память ротному командиру часы "Ориент", купленные вскладчину, и приезжали другие из самых неожиданных стран, включая острова Сен-Томе и Принсипи. Куба же была устойчиво представлена своими парнями без пауз, и обучали их всегда самому современному ракетному оружию. Последний набор кубинских курсантов покинул стены училища в канун девяностых. К тому времени семейные слушатели из разных государств уже обитали вне училища, один дом, во дворе которого резвились негритята, находился на Сегедской, другой на Маршала Жукова.

Как сложились судьбы кубинских парней?

Знакомый пассажирский помощник капитана Спартак, которого на судне обозначали Спартаком Динамичем, участвовал в нескольких спецрейсах к Анголе на лайнере "Иван Франко". После ожесточенных боев за взятие Мавинги часть кубинских подразделений, среди которых были и легко раненные и больные малярией, покинули сельву и прибыли в Луанду для погрузки на теплоход. На борту находились артисты фронтовых интербригад, исполнялись патриотические песни. В музыкальном салоне проходили закрытые кубинские партсоборания.

Однажды Спартак окликнули по его необычному имени.

— Ленчик, ты?

Спартак обнял кубинского офицера, курсанта шестидесятых из первого набора. Луис Баррета служил командиром ракетно-зенитного дивизиона.

На стоянке в Лас-Пальмасе трое кубинцев сбегало. Перед прибытием в Гавану положено было с помощью переводчиков писать характеристику на каждого кубинского бойца: как вел себя на переходе, какие анекдоты рассказывал, с кем танцевал на вечерах отдыха, сколько выпивал рома. Сопроводилку заверяли четырьмя подписями капитан, помполит, пассажирский помощник и представитель кубинского командования.

В 93-ем никому не нужный погибающий на внешнем рейде Одессы "И. Франко" неожиданно был зафрахтован через посредников Пентагоном для работы в Карибском бассейне. В Санта-Доминго приняли на борт отловленных американским "коуст-гардом" в океане беглецов с Гаити и Кубы и снялись курсом на Гуантанамо, где простояли пять месяцев. "И. Франко" фактически стал если не тюрьмой, то, по крайней мере, плавучим СИЗО. Палуба на стоянке раскалялась, как сковородка, изношенная климатическая установка отказывала. Однажды привели очередную партию задержанных, которых патрульный катер снял с угла плота из автомобильных камер, скрепленных бамбуковыми шестами. В стайке несчастных сидел и экс-подполковник Луис Баррета, Ленчик. Пассажирский помощник с трудом узнал его. Разговорились, насколько позволяли обстоятельства. Жена Луиса Элеонора, одесситка с Фонтана, умерла, две дочери бежали во Флориду, он нацелился к дочерям.

Рейс к берегам Кубы в 93-ем выдался несчастлив, на стоянке в Гуантанаме скончался от сердечной недостаточности старший электромеханик. На переходе сиганул за борт матрос, теплоход возвращался, но матроса так и не обнаружили.

Спартак "под настроение" соврал фонтанским ровесникам, что якобы спрятал Ленчика в вентиляционной шахте, и тот на стоянке "И. Франко" в Нью-Орлеане перелез на берег по швартовому концу. Спартак не поверили. Он переживал, но через полгода показал письмо от Луиса, на конверте была американская марка с видом Кордильер, адрес флоридский — все как положено. Триумф Спартак сгинул, когда с месяц назад Баррета, появившись на углу Педагогической, купил за тридцать копеек кулечек семечек у другой уже бабки, Киля померла. Возле питевой будки близ Института сухопутных войск Баррета встретил Данилу, ровесника, они обнялись и немного выпили плохого вина.

— А бурсу вашу ликвидируют и переводят во Львов, — сообщил свидетель курсантской юности Ленчика.

Луис не болтал лишнего, но Де Ниро, как обозначают на шестой станции Данилу, прояснил картину мытарств и подвига Барреты.

По словам Де Ниро, в Гуантанаме подполковнику Баррете гуманно жаловали вид на жительство во Флориде. Выполнив ответственное задание кубинской внешней разведки, Луис вернулся на остров и был представлен к очередному званию полковника. В 2005-ом полковник Баррета якобы находился на переподготовке в учебном центре под Астраханью, и на Фонтане был проездом.

Правда ли это или очередная версия? На этот счет в питейном заведении "Не унывай!" есть свое мнение.

Феликс КОХРИХТ**Кофе — с Набоковым, вино — с Рильке**

Среди альпийских стран Швейцария — одна из самых небольших. Ее площадь составляет всего 1/9 германской и половину австрийской. И тем не менее, эта старейшая в Европе республика — высококоразвитая промышленная и сельскохозяйственная страна, один из самых крупных и востребованных центров горнолыжного спорта и отдыха, в ней находится система уникальных курортных комплексов. Важно и то, что Швейцария издавна принимала и принимает со всего мира великих мыслителей, писателей, поэтов, композиторов, мастеров театра и кино.

Одно лишь их перечисление заняло бы всю статью. Вот почему я расскажу читателям лишь о нескольких встречах с местами, где жили и работали кумиры, владеющие сердцами миллионов.

Нашими гидами и добрыми спутниками в путешествии по стране были сотрудники известной туристской фирмы "Voyages L'Oiseau Bleu", среди которых немало знатоков мирового и русского искусства.

Швейцарская конфедерация объединяет 23 кантона, и все они в разное время были и остаются местом проживания знаменитостей. И все же более всего притягивали и притягивают кантоны Во и Вале.

Первый называют Швейцарской Ривьерой. Женевское озеро мало в чем уступает Средиземному морю, разве что размерами, да волны здесь поменьше, но зато — редкое сочетание дивного водоема, гор и лесов не имеет себе равных. Сто-

лица Ривьеры — Монтрё, город, лежащий на возвышенности, с террасами, сбегающими к озеру и взбирающимися к лесистым холмам. Роскошная набережная помнит многих властителей умов, совершавших неспешный променад. Среди них было немало наших блестящих соотечественников.

Дочь Александра Герцена оставила потомкам зарисовки своих прогулок с отцом, которые заканчивались у Шильонского замка. Еще в 9 веке на небольшом островке неподалеку от берега озера возникла крепость, призванная защищать дорогу к перевалу Сен-Бернар, ведущему в Италию. Нынешний облик замок приобрел в 13 веке, а славу — после выхода в свет поэмы великого романтика Дж. Байрона "Шильонский узник". Она основана на фактах и рассказывает о горестной судьбе приора Бонивара, брошенного в 16 веке в темницу за верность католической вере. Обязательно побывайте в замке. Перейдя мост, вы попадете в его сумрачные залы, уставленные рыцарскими доспехами. Главная достопримечательность — подземная темница: столб, к которому четыре года был прикован узник, хранит автограф Байрона.

А вот Владимир Набоков на стенах или столах не расписывался. Вот почему сегодня, увы, невозможно точно установить, в каком номере гостиницы "Montreux Palace" он жил долгие годы — вплоть до кончины. Разумеется, дело не только в отсутствии автографов: отель неоднократно пере-

страивался. В его холле установлена бронзовая фигура писателя, присевшего на стул, подобный тому, что стоит в горных кабаках. Набоков, любитель альпийских прогулок, и одет по-походному.

Номера здесь шикарные и стоят соответственно, но вот чашечку крепчайшего кофе и кружку отменного швейцарского шоколада мы себе позволили.

Неподалеку от отеля — знаменитый Концертный зал имени Игоря Стравинского, еще одного эмигранта из Советской России, с которым Набоков играл в шахматы и беседовал о музыке. В дни, когда мы побывали в Монтрё, здесь с огромным успехом проходил Международный джазовый фестиваль, которому мы передали привет от Одесского джаз-карнавала.

Из автобуса, увозившего нас от Женевского озера поближе к горам, увидели памятник Фредди Меркьюри — он стоит с гитарой на Рыночной площади, и у его ног — всегда цветы от неутешных поклонников.

На короткое время заехали в соседний Вевё — городок, где, обидевшись на США, поселился со своей многочисленной родней Чарли Чаплин. На местном кладбище он и был похоронен, а позже рядом с супругом легла и жена Уна. Сегодня в отчем доме живет один из их сыновей. А еще здесь ушел в мир иной Грем Грин... Но вовсе не все писатели, работавшие в Веве, закончили в нем земной путь. И среди них — Жан-Жак Руссо, Федор Достоевский, Генри Джеймс, а также художник Оскар Кокошка, архитектор Ле Корбюзье, построивший здесь уникальную виллу...

Если Монтрё — курортный, светский, сродни современным Ницце или Каннам, то Сьон — столица кантона Вале — один из самых древних в стране, и во многом сохранил облик города-крепости. С 11-го века стоит на Валерском холме величественный собор Богоматери...

Кантон Вале лежит в долине Роны. Трудно сыскать в Европе, да и в мире, более романтические пейзажи. Одним взором можно окинуть и заснеженные вершины Альп, и зеленые виноградники, и горный ручей, сбегающий к плотине у водяной мельницы... Этот край пленил многих из тех, кого принято называть утонченными художественными натурами.

Мы приехали сюда, чтобы поклониться памяти замечательного поэта Райнера-Мария Рильке. С русским языком, с его великими носителями — Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком — его связывала особая дружба, давшая блистательные поэтические плоды.

К началу 20-х годов 20 века Рильке, много путешествовавший по миру, уже смертельно больной, решил, что местом его успокоения станет именно долина Роны, поразившая своей мистической прелестью. "Взгляду, — писал он, — непрерывно открывается игра пленительных изменений. Неопишное небо участвует сверху в этих перспективах..."

Поэт поселился в замке Мюзот, пораженный и увлеченный легендой о его первых хозяевах. Давным-давно владетель этих мест сочетался браком с прекрасной девушкой. На следующий день рыцарь ушел на войну, где и сложил голову. В молодую хозяйку замка влюбились два приехавших дворянина — соседи. Они вызвали друг друга на дуэль и оба погибли. Не выдержав потрясений, красавица наложила на себя руки...

Не правда ли, похоже на жестокий романс, который распевали под шарманку бродячие актеры. Но и сама жизнь Рильке была переполнена запутанными романтическими отношениями со многими дамами и девицами, среди которых и легендарная пожиралица мужских сердец (в нее был влюблен Франц Кафка!), поэтесса Лу Андреас Саломе...

От селения Вейрас мы с гидом пошли к замку по проселочной до-

Могила Рильке находится в крепости Рарон

роге (есть в Швейцарии и такие), повторив маршрут, которым знатные и пригожие поклонники таланта Райнера-Марии спешили в Мюзот, где их нетерпеливо ждал поэт с новыми строками из "Сонетов Орфею".

Увы, этот блистательный цикл философской лирики стал последним в жизни Рильке. Поэта не стало зимой 1926 года. Узнав об этом, потрясенная Марина Цветаева написала из Франции ушедшему другу, обращаясь к нему, как к живому: "...Милый, раз ты умер, значит, нет никакой смерти (или никакой жизни)..."

Правоту слов гениальной Марины понимаешь у могилы Рильке. Он завещал похоронить себя в крепости Рарон: "Ее образ был тем самым местом, откуда я ощутил ветер и свет..."

Мы не доехали до крепости и долго шли через холмы, покрытые душистым разнотравьем. Тропинка привела к воротам Рарона, а затем мы взбирались по крутым лестницам, вырубленным в камнях. Площадка, где покоится Рильке, открыта ветру и свету со всех сторон. На деревянном кресте — инициалы поэта и эпитафия на немецком языке, потаенный смысл которой искали и ищут толкователи его твор-

чества, в том числе и философ Хайдеггер...

Полные размышлений о высокой и трагической судьбе поэта, спустились к ожидавшей нас машине. В память о Рильке и других замечательных творцах, для которых Швейцария стала второй родиной, мы подняли в придорожном ресторанчике бокалы с дивным белым вином, возвращенным в долину Роны. На него похоже наше "Шабское", что вполне естественно — тамошние виноградники в 19 веке закладывали швейцарские колонисты...

Душевные и физические силы восстанавливали в этом же кантоне. Вале славится курортом Лойкербад, где в сопровождении бдительных специалистов мы проплыли по лабиринтам грандиозного бассейна, наполненного целебной минеральной водой. И зимой, и летом в нем поддерживается температура, позволяющая принимать процедуры и просто плескаться на воздухе, напоенном ароматом альпийских лугов и свежестью вечных снегов, до которых, кажется, рукой подать...

Да и до Швейцарии от нас ныне всего два часа полета до Вены, а там — уже соседка Австрии — Альпийская республика...

Фото автора.

В холле отеля, где жил Набоков, установлена его бронзовая статуя

Письма о любви и о войне

Ирина Машевская — молодой немолодой автор. Книгу "Неотосланные письма", опубликованную в издательстве "Друк", она написала давно, лет тридцать назад... Попытки опубликовать в 70-е годы свои записи и дневники, как говорится, не увенчались.

Автора обвинили в "непатриотических взглядах" и текст назвали "идеологически невыдержанным"... Она писала правду. Суровую и жестокую. О том, что видела, чему была свидетелем. И чего была участником. Писала о времени и о себе. Не только о любви, но и о войне, которая ворвалась в ее жизнь и жизнь страны.

У Ирины Машевской драматическая судьба. Воспитанница детдома, она помнит, как в 37 году к ним поступила большая партия детей репрессированных. Там она познакомилась с немецкой девочкой и выучила немецкий язык. Позже это очень пригодилось. Потом она нашла свою мать... Она имела неосторожность написать в своей книге о том, что "немцы — тоже люди". Этого ей не простили. Несколько лет была "под подозрением".

...Скитания беженки, страшные годы оккупации в родном Казатине, немцы на дорогах и в доме, тревожное ожидание угона в Германию или смерти... Обо всем этом — в 17 неотосланных письмах к любимому — она рассказала просто и безыскусно, подчас с огромной художественной силой и бесстрашной искренностью. Исповедальная и психологически достоверная проза.

Ирина Машевская не собиралась писать художественное произведение. Но оно получилось. Дневниковые записи и письма превратились в стройное повествование...

Суровая правда войны и теперь обжигает читателя.

Сейчас Ирина Болеславовна Машевская, в прошлом учительница немецкого и английского языков, на пенсии, живет в Одессе.

Мы публикуем фрагмент из этой книги, которая все же вышла тиражом в сто экземпляров...

Ефим ЯРОШЕВСКИЙ.

Ирина МАШЕВСКАЯ

Неотосланные письма

...Деваться было некуда, ночь пришлось коротать в одной постели — в хате не было ни одного свободного уголка, если бы даже кто из нас пожелал спать отдельно, сидя или даже стоя.

Лежали рядом, но между нами оставалась "нейтральная зона". Я жалась к стене, ты — к краю кровати, рискуя свалиться на спящих солдат. Мы очень устали. Чтобы совершить пеший поход обратно в Казатин, тебе надо было отдохнуть.

...Пробуждаясь ночью от дремоты и глядя широко открытыми глазами в темноту, я слушала неспокойный храп солдат, сонные стоны и бормотанье казатинских беженцев. Ты же лежал тихо, неподвижно.

По твоему дыханию, по биению сердца я определяла, что ты не спишь. Хотелось протянуть руку, притронуться к тебе, но я боялась нарушить твой покой. Знала, ты чувствуешь то же, но ты сдержан, ты уминица.

Что-то ползало по липкому потному телу, кусало. Я сунула руку под платье, чтобы почесать зудящее место, и под пальцами оказалось крупное упругое насекомое. "Вши!" — захлестнула брезгливость.

— Алеша, вши грызут. Какой ужас! — прошептала я.

— Да, вши. Они не дают спать. А мы ведь так устали.

— Что делать?

— Терпеть. Нельзя будоражить спящих.

— Бедные, они устали.

— Да. Вот у меня платок, вшей снимай с себя и клади сюда, в платок, будем их давить.

Не помню, пришлось ли уснуть. Помню только крупных жирных вшей, которых я снимала с себя, совала тебе в платок, а ты давил их.

Утром ты должен был вернуться в Казатин, а я — остаться здесь. Но я не хотела оставаться, я хотела домой, я хотела быть с тобой, ведь ты уходил на войну. Но сказать об этом я не решалась, только спросила:

— Ты пойдешь через Янковцы?

— Нет. Янковцы обойду.

Я твердо решила не оставлять здесь, уйти одной, после тебя. Я хотела, чтобы ты поскорее вернулся к своим родным, чтобы они успокоились и перестали меня ненавидеть. Я хотела вернуть тебя им.

Раннее утро. Красное, яркое и лучистое солнце только выкатывалось из-за леса, который подступал прямо к хате. Белый обильный снег искрился и слепил глаза. Мороз румянил щеки, щипал за нос. Ты стоял на лыжах, которые дала тебе хозяйка. Это были лыжи ее мужа. Они должны были быстро домчать тебя до Казатина — в двенадцать часов дня ты должен быть в военкомате. Ты стоял, укрепляя лыжи, держал палки и смотрел на меня — долго, пристально, нежно. Глаза твои выражали тоску, казалось, в них вот-вот появятся слезы. Тяжелая ночь нарисовала вокруг твоих глаз синие круги. Я тоже смотрела на тебя, и никакая сила не могла развести наши взгляды. Я мол-

ча твердила: "Не плакать, не плакать, не плакать!".

Палки из твоих рук выпали, руки потянулись ко мне, мы прильнули друг к другу. Потом ты резко оторвался от меня, нагнулся, поднял палки, порывисто сделал круг на лыжах и заскользил энергично, быстро по лесной дороге. Я медленно пошла по твоему следу, потом остановилась, вытерла слезы, посмотрела вокруг. Высокие сосны, убеленные сединами и мудростью, молча взирали на меня, им было безразлично мое горе. Потом я остановила взгляд на твоей спине — ты был уже далеко — и ты, как бы почувствовав это, резко затормозил, повернулся, посмотрел на меня, одиноко стоявшую на лесной зимней дороге, и быстро заскользил ко мне.

Мы опять стояли друг против друга, смотрели друг другу в глаза и молчали. Мы не знали, что говорить, чем утешить друг друга. В такое жестокое время клятвы были не нужны. Они непрочны и ненадежны, и мы молчали. Однако в нашем молчании было все — и любовь, и ласка, и клятвы, и обещания.

— Счастливо, Алеша, иди. Тебе пора. Ты быстро поцеловал меня в лоб, повернулся и понесся по снежной дороге.

А я стояла. Не могла уйти, хотела видеть тебя, пока ты не скроешься за снежным горизонтом. Но ты опять оглянулся и опять повернул ко мне. Не добежав до меня, ты бросил лыжи и палки и подбежал ко мне. Мы больше не смотрели друг другу в глаза, мы просто вцепились друг в друга. Я чувствовала толчки твоего сердца — оно било тревогу.

— Галинка, родная, не могу уйти от тебя, не могу оставить тебя, — шептал ты прерывающимся голосом. — Чувствую, что если уйду, оставлю тебя одну, я потеряю тебя.

— Что ты, Алеша, что за слова такие?

— Не могу, не могу уйти от тебя.

— Иди не оглядываясь. И береги себя.

Ты вырвался из моих объятий, встал на лыжи и вихрем помчался вперед, ловко лавируя между деревьями, больше не оглядываясь.

Вскоре я тоскливо смотрела на пустую дорогу. Мною овладело тяжелое чувство безвозвратной потери. Вокруг все опустело. Несмотря на яркое утро, все вокруг казалось печальным и мрачным. Душа была в тисках. Тоска, тоска, тоска. Как я могла отпустить тебя, не сказав, что безумно люблю? Почему я молчала? Я должна, должна, должна еще раз увидеть тебя, прежде чем ты уйдешь на эту жестокую, страшную войну...

Ноги мои были легкими, шла я быстро, но дорога казалась длинной, время тянулось медленно. А мне так хотелось знать, где ты, кто с тобой рядом. При одной мысли, что ты уйдешь, и я больше тебя не увижу, мне становилось холодно.

Часов у меня не было, время определить я не могла. Но когда мы до-

стигли Казатина, солнце стояло над головой. Был полдень. С Красноармейской улицы я пошла той же дорогой, которой мы шли вчера.

Вскоре я была напротив вашего дома. Во дворе было много людей. Ты стоял с рюкзаком. Я поняла, тебя провожали. Когда вы направились к калитке, я спряталась за разбитый вагон на железной дороге. Выйдя из калитки, вы направились к поезду. Ты шел между матерью и отцом, сзади шел твой брат. Были еще и соседи, но они дошли только до поезда и вернулись, вы же пошли дальше, в город, к военкомату. Мне казалось, что я умираю, но окликнуть тебя, позвать на помощь не смела, не имела права. А как хотелось еще раз увидеть твои глаза, перемолвиться словом! Боже, как хотелось быть рядом, среди провожавших. Но я боялась твоих родных, их гнева, и, точно побитая собака, жалась к обочине, к канавам, к разбитым вагонам и плелась следом.

Вспоминаю все это много лет спустя, и хочется плакать от жалости к себе. Какая я тогда была жалкая и разбитая. Мне не дали права быть рядом с тобой.

Потом я сообразила, что меня могут заметить, и стыд овладел мною. Я отстала и пошла к военкомату другой дорогой. Добравшись туда, я затерялась в толпе и ждала счастливой минуты, когда можно будет подойти к тебе. Но такой минуты не наступило. Твои родные не отходили от тебя ни на шаг. Подойти при них я не осмелилась.

Новобранцев было много. Вскоре вас погрузили на грузовики и увезли. Я видела твоих родителей. Мать вытирала слезы, отец что-то говорил и говорил ей, ведя под руку. Теперь центром Вселенной для меня стали они, твои родители, твой дом. Только отсюда я могла получать вести о тебе.

Я пошла за твоими родителями. Я привела их к дому. Они об этом не знали, не догадывались. Но они думали о тебе, и это нас роднило.

Сию и думаю — с чего начать это письмо? С тех пор как тебя увезли на военном грузовике на войну, все в моей жизни перепуталось, пошло кривь и вкось. Хорошо помню, что с той минуты радость покинула меня.

Во дворе военкомата вас усадили на грузовики — много-много молодых мальчишек — и увезли. А я стояла и думала: "Сбылась ваша мечта. Вы пошли воевать. Вы — солдаты". Боже, как вы, мужчины, и помоложе, и постарше, рвались на фронт, к оружию, в драку. Знаю, вами владело благородное чувство, призывал долг.

Однако природа что-то в вас заложила, заправила вас какими-то особыми дрожжами. Вся история — это войны. А их делают мужчины. И идут на смерть. Молодые, здоровые, красивые, не успевшие еще посеять свое семя на земле, оставив всходы молодой поросли.

Помню, через две недели уже пла-

кали мамы. Уже пали Миша Матяшко, Павлик Халагур. А они были моложе меня — добрые, хорошие мальчишки. Не верилось. Еще так недавно Павлуша поджидал меня у моста с кулком вишен или семечек, провожал домой, сидел у нас, и в его красивых черных глазах было столько надежды и любви. А я подтрунивала над ним и называла его "малыш".

Фронт отодвинулся от Казатина. Теперь он стоял где-то за Комсомольском. По вечерам мы иногда слышали буханье тяжелых орудий и гул земли. Но наша жизнь спокойной не стала. Над железнодорожным узлом, точно коршуны, кружились немецкие самолеты. Пути еще были полупусты. Их только начинали восстанавливать. Военных пока было немного.

Тревога не покидала нас, хотя подружилась с радостью: мы освобождены, мы со своими. Но война не окончена, она продолжает уносить жизни людей. Когда же конец, скоро ли?

Женщины по-прежнему одиноки, по-прежнему несут на своих хрупких плечах тяжесть забот, мужских и своих женских. А тут еще тревоги о близких, о тех, кто на фронте. Легко ли? По-прежнему сбегались, делились новостями, передавали одна другой добрые и злые слухи.

После твоего ухода прошла долгая серая и печальная неделя. Никаких ярких воспоминаний. Вот разве то, что ходила я с девочками смотреть место битвы на стадионе у школы. Это было страшное место, помню его и сейчас. Пошли мы трое: я, Люся и Нина.

Мороз немного сдал, и этот январский день был хмурым и зябким. Ветер вымел снег на возвышенностях и открытых местах.

Подойшли к стадиону от железной дороги. Перешли пути, взобрались на горку — все как на ладони. Весь стадион изрыт небольшими окопчиками. На белом поле виднеются то там, то здесь трупы в серых шинелях.

— Отсюда наши наступали на школу, — объясняет уныло Нина. — Вова рассказывал, как это было. Они, гады, укрепились в подвале школы и били оттуда, — Нина показала в противоположный конец стадиона, туда, где среди высоких деревьев виднелись развалины. — Там удобная позиция, и они били на все четыре стороны. А здесь ведь сходятся дороги, наши не могли продвинуться.

Глаза мои не отрывались от сапог, торчащих из окопчика немного впереди нас. Сапоги. А где же человек? Точно притягиваемая магнитом, я медленно двинулась к сапогам. Еще не достигнув окопчика, я увидела человека. Это был совсем молодой солдат, почти ребенок. Он упал вниз головой, в окопчик, и так лежал, повернув голову набок и подогнув под себя руку. Русые волосы, точно седина, припорошены снегом. Шапка лежала тут же, в окопчике. Молодой солдат лежал тихо, неподвижно. Казалось, он спит и вот сейчас проснется, встанет и побежит догонять своих. Но он был мертв.

Это я понимала тем холодом, который вдруг вполз вовнутрь меня, и застывшими безмолвными мыслями в голове. Я стояла и, как одурманенная, смотрела на то, что было еще вчера живым, подвижным, полным надежд, любви и ненависти. Вчера это был человек. Он смеялся, радовался, грустил и пел. Он надеялся, что вернется домой к родным и близким. Теперь это труп, мертвец, остатки человека. Странно все на этом белом свете, непостижимо. Жизнь, жизнь, только жизнь — это все, а смерть — ничто, нуль, пустота. Вот упал он и не в состоянии даже шевельнуться, чтобы хоть чуть-чуть изменить то неловкое положение, в котором он застыл.

Я повернула голову и позвала девочку. Они покачали головами, потом вдруг громко зарыдали. Я опять повернула лицо к мертвому солдату и увидела маму. Она стояла рядом. Я не слышала, когда она подошла. Она нагнулась, взяла мертвого за ноги и вытащила из окопчика, потом повернула вверх лицом, поправила на нем шинель, с трудом сложила на груди закороченные руки, вытрепала снег из волос, очистила лицо и накрыла его

шапкой. Потом стала на одно колено и зашептала зауспокойную молитву. В эту минуту я пожалела, что не умею молиться. Было очень тяжело, а слез не было, они застряли где-то внутри и давили свинцовой тяжестью.

Закончив молитву, мама встала и, немного помолчав, запричитала, обращаясь не то к мертвому, не то ко мне и подошедшим ближе девочкам.

— Сыночек ты дорогой, кровинка ты своей матери, почему лежишь здесь, почему не идешь к своей маме? Почему не обрадуешь ее, не припадешь к ее груди, не посмотришь ей в очи? Она ведь ждет тебя! Лет двадцать тому появился ты на ее руках маленьким живым комочком, беспомощный, невинный. Море любви и бесчисленные бессонные ночи сделали тебя сначала мальчиком, потом парнем. Она, твоя мама, хотела видеть тебя мужчиной, отцом, мужем, человеком. Разве для этого она лелеяла тебя, растила, любила, наполняла добром? Господи, да где же ты? Да что же ты делаешь? Взгляни на землю, взгляни хоть раз и яви свою волю. Прекрати бойню! Святая Мария, ты ведь тоже имела сына, ты тоже любила его...

Я не могла больше слушать, отошла к девочкам и наконец заплакала, тихо, но бурно.

Мама, в своей вечной серой куртке и платке, пошла дальше по полю. Она выискивала павших, укладывала их вверх лицом и накрывала глаза.

— Пойдем к школе. Там еще не то. Вова говорил, что там гора трупов. Их оттуда "катюша" выкуривала. За десять минут справилась.

Мы стороной обошли стадион, где хозяйничала мама, и приблизились к разбитому каменному забору школы. Здесь действительно было "не то еще". На месте красивой массивной двухэтажной школы из красного кирпича мы увидели груды обломков, под которыми были погребены трупы немцев. И снаружи была груды мерзлых трупов. В зеленых и серо-голубых шинелях. У выхода из подвала. Здоровые, рослые. Теперь это только останки. Останки храбрых солдат СС.

Я перешагнула развалившийся забор и медленно пошла к груде трупов. Меня притягивало какое-то нездоровое любопытство. Раньше никогда не видела мертвых близко, и так много. Вдруг я резко остановилась. Мною овладел страх. Рядом, опершись спиной на своих мертвых товарищей, припорошенных снегом, точно живой, стоял здоровый, рослый, красивый молодой немецкий солдат без шинели. Глаза его, остекленевшие, мутные, были открыты. Казалось, вот-вот он бросится на меня. Но он стоял спокойно, закороченный, смотрел, но не видел.

Я вскрикнула, повернула назад, упала, подхватила и побежала к девочкам. За забором я остановилась, отряхиваясь от снега и страха. Потом я опять глядела на трупы немцев, но уже издали. Не те ли это, что незадолго до прихода наших стояли на ПРБ? Наверное, здесь есть и те, что жили в нашем доме. И мальчишка Фолькер. Теперь они больше не кричат "Хайль! Яволы!". На лицах нет больше спеси и высокомерия, только печать смерти, не пощадившей и высшей расы.

— И это тоже чьи-то дети. Их тоже где-то ждут матери, ждут и надеются, — это мама. Она опять рядом. Она опять вытирает слезы кончиком платка. — Бедные матери!

— Ах, мама, мама...

— Не надо, не надо. Мертвых не судят. Пойдемте домой. Не нужно вам такое смотреть. Можно заболеть. А вы молодые, у вас должны быть дети.

— Люди такое ежедневно видят на фронте.

— Девушкам такое смотреть нельзя. Вам может потом все это привидеться. Вы можете потерять сон. Идемте!

Да, мама была права. Я потеряла сон, мне снились кошмары. Мне казалось, что не стало уже на свете людей, что всех поглотила война, что земля скоро совсем опустеет. Мною владел страх за твою жизнь. А вестей нет. Где ты? Куда ушел? Жив ли? Никто не знает.

ПАРИЖСКИЙ ФОНД ОДЕССИТКИ ДИНЫ ВЕРНИ

С ВЫСТАВКИ ЭРОТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ КЛИМТА

...Чувственный рисунок обнаженной на фоне каскада распущенных волнистых волос притягивал взгляд даже издали. Я еще не видел текст афиши и подумал, что образ наклонившейся женщины напоминает одну из фотографий модели скульптора Майоля...

Я перешел бульвар Сен-Жермен, чтобы прочесть наклеенную на ограде старинной церкви заинтересовавшую меня афишу. Это оказалась организованная Фондом Дины Верни в Музее Майоля выставка "Густав Климт. Эротические рисунки" (Papiers erotiques)...

Отель Бушардон, где размещался музей, был на улице Гренель, в двадцати минутах ходьбы. Знаменитую мраморную группу "Четыре сезона" на фасаде отеля я увидел впервые летом 94-го года во время удивительной встречи, которую мне подарила мадам Верни. Реставрация отеля Бушардон, купленного Диной Верни для, как она его называла, "Дома Майоля", еще не была окончена, но основные экспозиции уже были подготовлены. Беседа наша проходила в небольшом кабинете с винтовой лестницей на верхний этаж и прерывалась несколько раз необходимостью дать указания секретарю, производителю работ или фотографу. Это давало нам возможность посетить большие светлые залы с высвеченными заходящим солнцем темно-зелеными изваяниями моей знаменитой собеседницы.

Dina Vierny (Дина Верная), единственная модель Аристиды Майоля в последние 10 лет его жизни, была родом из Одессы. "Несмотря на свой парижский акцент, Дина родилась в Одессе", — с удивлением писала критика после открытия Музея Майоля* (см. примечание редактора).

Ей было семь лет, когда она с родителями прибыла в Париж (судьба семьи капитана русской армии Верного была типичной для иммиграции из Одессы во время гражданской войны). Ее подруга, узнав, что Дина интересуется скульптурой, рассказала, что в Марли-ле-Руа (пригороде Парижа) известный скульптор Аристид Майоль по воскресеньям собирает друзей для бесед о современном искусстве. "Ты его узнаешь по белой бороде, он самый старей..." Так в 1934 году состоялась встреча пятнадцатилетней Дины и великого семидесятилетнего Мастера. Майоль предложил Дине позировать, и она стала его любимой моделью.

С тех пор они не расставались друг с другом десять лет, до самой смерти Майоля...

Война застала Майоля и Дину в Приморских Пиренеях. Там, в Бьяньюльсе, где родился каталонский художник Аристид Майоль, находилась одна из его мастерских. В прекрасной монографии "Аристид Майоль" (вышедшей в издательстве Skira) Ларкен пишет, что в годы оккупации Дина проводила для Пиренеи спасавшихся от нацистских преследований. Во французском Сопротивлении сеть перехода через испанскую границу была известна под названием Дорога Дины-Майоля. Сеть эта была первой, которую использовал Американский центр спасения (CAS) во Франции.

В Музее Катастрофы в Вашингтоне выставлены фотографии Дины Верни 40-го года и письмо создателя CAS консулу США в Марселе. Не могу удержаться от перевода хотя бы одного абзаца этого документа:

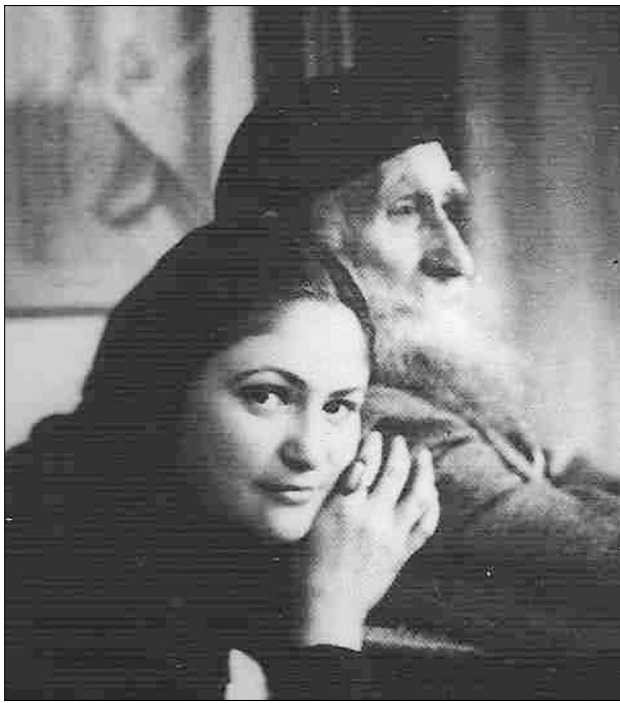
"Я уверен, что Вы помните, как мы переправляли людей в ателье Майоля в Бьяньюльсе и что сам Майоль показал Дине Верни, своей юной модели, тропинку возле Порт-Бу. Безлюдными ночами Дина переводила беглецов через горы в обход патрулей. Я обращался неоднократно к Дине с просьбой описать детали. Но она была занята своей галереей на улице Жакоб и никогда не отвечала

на мои письма. Я буду Вам премного благодарен, если Вы сможете собрать свидетельства спасенных Диной людей..."

В одну из облав на границе Дина была арестована. И тогда Майоль решает использовать восхищение, которое к нему питает Арно Брекер, официальный скульптор III Рейха, чтобы выволочь Дину из тюрьмы Фресн.

В сентябре 44 года Майоль попадает в автокатастрофу. Несколько дней спустя он умирает в больнице Перпиньяна... Молодая женщина (Дине было тогда 25 лет) становится основной распорядительницей заведений Майоля, наследует его скульптуры, картины, мастерские в Париже и Бьяньюльсе...

В 1964 году Дина Верни приносит в дар французскому государству 18 монументальных бронзовых скульптур Майоля. Министр культуры в те времена, Анри Мальро решает установить их в садах Тюильри и Карусель, что напротив Лувра. Гениальное решение, которое совпадало с желанием самого Майоля: "Дайте мне сад, и я населю его скульптурой". И сейчас посетители Лувра, направляясь к знаменитой стеклянной пирамиде, проходя мимо этих скульптур, любят прекрасными изваяниями, у многих из которых черты и фигура нашей знаменитой землячки. Реплики этих работ являются теперь гордостью лучших музеев мира.

Слева — А. Майоль и Д. Верни. А вторую фотографию, свой портрет, Дина Верни подарила автору статьи, а он — одесситам.

По совету Анри Матисса, которому она позировала, Дина Верни открывает галерею на улице Жакоб в Париже. Она выставляет свои портреты работы Матисса, Пьера Боннара, Рауля Дюфи, а также принадлежащие ей картины и рисунки Пикассо и неизвестного тогда советского диссидента Сергея Полякова (встреченного ею в русских кабаре Парижа, где он зарабатывал на жизнь игрой на гитаре). Галерея Верни становится одним из мест в Париже, где в те годы писалась история современного искусства.

Будучи наследницей огромного художественного состояния и владелицей уникальных собственных коллекций, Дина Верни основывает свой Фонд в приобретенном ею доме 59-61 по улице Гренель, рядом с Латинским кварталом. Строение XVIII века, известное как отель Бушардон, по имени замечательного скульптора, знаменито своим фасадом — одним из первых в Париже скульптурных фонтанов. Величественный мраморный ансамбль привлекает внимание расположенной в центре аллегорической группой: город Париж, окруженный скульптурами рек Сены и Марны. По обоим сто-

ронам — 4 фигуры в нишах персонажируют Четыре сезона. В этот изумительный ансамбль Эдмон Бушардон включил как составную часть две массивные украшенные рельефным орнаментом двери, ведущие в мощный булыжником просторный двор. После приобретения отеля окружающие двор строения были реконструированы и преобразованы в Фонд Дины Верни, а в дальнейшем — в Музей Майоля. Одной из первых акций Фонда стал русский авангард.

Окрыленная успехом своей галереи, Дина решает организовать Музей Мастера в помещениях Фонда Верни по улице Гренель. Этот музей стал целью всей ее жизни. "Я хочу, чтобы это был Дом Майоля", — говорила Дина Верни, которая уже более 50 лет обогащает собрание его скульптуры и живописи. Во время нашей встречи в 94 году Дина показала мне картину Майоля конца XIX века (надо сказать, что Майоль начинал как живописец), только что приобретенную в Штатах. Нужно быть немного безумной, иметь хорошую дозу стоицизма и огромную выдержку, чтобы создать Дом Майоля, где собрано сейчас большинство разрозненных по всему миру его работ. Даже мастерская в Марли-ле-Руа воссоздана до мельчайших деталей, вплоть до скульптуры, керамики и эскизов. "Там я впервые увидела Майоля, — говорила с чувством Дина. — Я осуществила мою мечту, —

необходимые для Музея 50 млн. франков. Скажу лишь, что в коллекции автографов содержались письма Альфреда Дрейфуса из тюрьмы Санта, письма Бодлера, Жерико, счета Людовика XIV, записки Короля-Солнце. А национальная библиотека Франции приобрела переписку Флобера и Тургенева.

Во время приездов в Париж я всегда старался посетить Фонд Дины Верни и его временные экспозиции. Теперь в Фонде более двух тысяч произведений искусства, среди которых работы Василия Кандинского, Сергея Полякова. Илья Кабакова... "Еврейский паспорт" Оскара Рабина и "Автопортрет Булатова". Сезанн и братья Дюшан, Иван Пун и Роден, Пикассо и Матисс... — история искусства XX века. Думаю, что субъективность создательницы, лично знавшей или позировавшей большинству авторов, и создает богатство этой уникальной коллекции. Почти в каждом зале можно встретить выразительные черты, чувственные формы, профиль и уложенную венцом на голове косу красавицы Дины, запечатленной великими художниками в расцвете своих 20 лет...

И вот теперь, весной этого года, увиденная афиша вновь привела меня в Дом Майоля, представившего место выставке эротических рисунков одного из создателей "Венского сецессиона". Эти работы Густава Климта практически не рекламировались, почти век оставаясь малоиз-

вестными экспонатами полутемных кабинетов графики венских музеев или гордостью недоступных личных коллекций.

Дина Верни лично отобрала 120 листов из рисунков Климта эротического характера, осуществив почти безнадежную затею воссоздать в своем фонде целую вселенную женских чувств. "Это космос полной свободы в изображении самого интимного, — считает нужным подчеркнуть комиссар выставки Каролин Мессенс (Messensee), — попытка приоткрыть завесу тайны женской красоты".

Климт признавался, что он был "без ума от женщин"... Как Сезанн был влюблен в пейзажи Прованса. На что Пикассо отвечал: "каждому свой наркотик". Лучше и не скажешь. Женщины были наркотиком Климта, наваждением, от которого он не мог избавиться. Натурщицы жили в огромной мастерской Климта, они были в его распоряжении в любой момент, когда придет вдохновение, — а рисовал он днем и ночью. Художник не подсматривал за своими моделями — он старался прочувствовать то же, что и девушки, захваченные моментом экстаза. Возбуждение, кото-

рое при этом испытывал Климт, было реальным, оно вызывало у него эмоциональный шок...

Климт торопился перенести на лист наивысшую страсть своих натурщиц, забывшихся в раздельных ласках или в удовлетворении в одиночку. И часто, не справившись со своими чувствами, близкими к обмороку, Климт рвал лист с только что набросанным рисунком... Он уничтожил сотни таких рисунков, чтобы сохранить свое духовное равновесие.

Эротические рисунки были найдены в мастерской художника после его трагической смерти. И тогда уже венский маршан Густав Небехе (Nebehay) смог организовать показ нескольких листов в своей галерее.

Графическое наследие Климта стало лучше известно после выхода в 1984 году трехтомного каталога, объединившего несколько тысяч работ. Лучшее место для этой экспозиции трудно было бы найти. В атмосфере музея, где доминирует чувственность, эротические картоны Климта, освободившись от изысканного цвета, арабесок и декоративных мотивов его живописи, концентрируют внимание не на репродукции обнаженного женского тела, а на передаче эмоций натурщиц, уносимых наивысшим наслаждением. Художник не ставил на первое место эротический аспект, но, скорее, томность и негу...

Как точно увидела Елена Якунина, "вороха юбок, оборок и воланов не столько прикрывают, сколь обнажают женские секреты". Климт отбрасывает все табу. Сладострастные изгибы и округлости женского тела, самое потаенное подарены открытому взору...

Но даже в беззащитных позах нет непристойности — Климт, помоему, сумел изобразить женщину одновременно сексуально доступной и полной достоинства!

На рисунках, отобранных для показа в Фонде Дины Верни, обнажается самое сокровенное, то, что Курбе назвал Началом Мира...

С чувством, близким религиозному, я входил в интимный сад Климта, в котором, казалось, он нашел и попытался передать нам тайну женской красоты. Это была секретная часть его поисков, его интимный журнал, который ведут, не зная, будет ли он использован...

Спонтанные эскизы набросаны на картоне или даже на оберточной бумаге, чтобы успеть схватить выражение лица в момент оргазма, сцепленные в напряжении руки... Линия может быть даже незакончена... Линия легкая, но верная. Как ласка... Тонкий карандаш, уголь или свинцовый грифель едва касаются листа. Тело как бы парит над листом, как эротический сон или мечта...

В свое время много говорили об отношениях Климта со своими моделями, ему приписывали отцовство более дюжины незаконнорожденных детей. Но доподлинно известна лишь помощь, которую Климт оказывал своим натурщицам, молодым женщинам без постоянного заработка.

А вот уже в наше время, в мае 2005 года, в век беззащитной эксплуатации чувственности подростков, при входе на выставку за спиной кассира с удовлетворением читаю: "Мы предупреждаем взрослых, сопровождающих детей, что эта выставка представляет некоторые рисунки эротического характера". Bravo, Дина! Это мог бы написать сам Климт!

...Фонд Дины Верни — идеальное место для экспозиции интимной графики Густава Климта. Залы первого этажа музея с развешенными рисунками Климта содержат и несколько скульптур обнаженных (для которых позировала Дина), что еще больше усиливает переключку двух Мастеров, стремившихся, каждый по-своему, проникнуть в тайну женской красоты, — Густава Климта, волшебника символизма, и Аристиды Майоля, музой которого стала юная уроженка Одессы, Дина Верни.

Михаил ОБУХОВСКИЙ.
Франция.

Примечание редактора: Очерк Михаила Обуховского "Одесская муза Майоля" был опубликован в 1-ом номере "Всемирных одесских новостей" за 1995 год.

ПОСТСКРИПТУМ К ОДНОМУ ЮБИЛЕЮ

Апрель 2004 г. в Одессе прошел под знаком празднования двух юбилеев: "70-летия Жванецкой власти" и 60-летия освобождения города от фашистских захватчиков. Оба знаменательных события имеют непосредственное отношение к истории одесского порта. Но, поскольку война — не лучшая тема для шуток, эту публикацию мы всецело посвящаем первому из них.

70-ю весну нашего прославленного земляка М.М. Жванецкого не обошла вниманием ни одна уважающая себя русскоязычная газета мира. Акулы пера перекопали биографию писателя вдоль и поперек, вытащив на свет Божий такие подробности, о которых вряд ли подозревал и сам юбиляр.

К примеру, годы, которые Михаил Михайлович проработал в одесском порту (1956–60) журналисты рисуют сплошь в авантюрных тонах: там, где Жванецкий, там обязательно рассыпаются паллет с испанскими апельсинами, а кубинский ром из разбитых ящиков хлещет прямо на асфальт.

Отвечая на продолжение темы "Михаил Михайлович — молодые годы", предупреждаем читателя сразу: наш персонаж на вышеозначенном фоне выглядит более скучным. Зато три из четырех предлагаемых баек портовой "жванецкиады" — подкреплены документально.

1. ХОРОШО, ЧТО ЖВАНЕЦКОМУ НЕ КУПИЛИ БЕТОНОМЕШАЛКУ

В сентябре 1956 г. вышел первый номер газеты "Одесский порт". А уже через месяц, 10 октября, находим на страницах многотиражки заметку "НАШИ ПОТРЕБНОСТИ", подписанную фамилией "Жванецкий".

Позволим себе предположить, что это была первая в жизни будущего писателя публикация. И тон ее весьма далек от юмора. В ста строчках газетного материала инженер-механик ремстройконторы вполне серьезно возмущается убожеством технической базы родного подразделения:

"...Мелкий ремонт механизмов мы могли бы проводить своими силами на территории ремстройконторы, но у нас нет смотровой ямы. И в этом вина, прежде всего, руководства конторы. Нам необходим также и гараж или навес. Скоро придет пора дождей, снегопадов, а укрыть машины нечем. Необходимо приобрести новые механизмы: автопогрузчик, бульдозер, копр и особенно бетономешалки. Стыдно сказать: на всю ремстройконтору — одна бетономешалка..."

Далее автор чешет против шерсти руководство механических мастерских, которое позволило себе сбавить на сторону одолженный в стройконторе сварочный аппарат, и напоследок критикует форму оплаты труда в порту(!):

"У нас не выдерживается принцип материальной заинтересованности рабочего в повышении продуктивности своего труда. Ставка механизатора остается неизменной, как бы хорошо он ни работал и в каком бы идеальном состоянии ни содержал свой механизм..."

Стоит уточнить, что к моменту выхода в свет приведенной публикации производственный стаж выпускника Водного института Миши Жванецкого составлял менее полугода. В этом "возрасте" молодые специалисты ремстройконторы занимались главным образом тем, что выискивали по закомарникам знаменитую на весь порт полотняную торбу и бегали с ней в гастроном. Жванецкого, случалось, тоже за бутылкой посылали. Но когда он взялся за выистку авгиевых конюшен конторы, стал публиковаться в газете — посылают перестали... Лишили, так сказать, доверия.

Зато руководство порта оценило активную жизненную позицию молодого инженера. Уже в 1957 году Мишина фамилия под заметками в "Одесском портнике" неизменно сопровождается указанием общественной должности — заместитель председателя комитета комсомола порта (немалый, между прочим, пост, если учесть, что членов ВЛКСМ в порту насчитывалось тогда 1200–1300 чел.).

Критика "снизу", тем более в газете, начальством поощрялась. Однако меры по исправлению недостатков принимались — ни шатко ни валко. Поэтому, наверное, патриот ремстройконторы в душе Жванецкого очень быстро иссяк, подал в отставку, уступив место Жванецкому-сатирику. Только в этом статусе Михаил Михайлович мог критиковать "сверху", причем не отдельные недочеты, а всю систему социалистической организации производства...

Сегодня коллектив РСУ Одесского порта располагает солидным парком всевозможных машин и механизмов, имеет неплохую ремонтную базу. Есть в составе подразделения и собственный высокопроизводительный бетонно-растворный узел. Если бы он появился не 10, а ска-

жем, 48 лет назад, Миша Жванецкий продолжил бы делать карьеру инженера. Может быть, в конечном итоге он стал бы даже министром транспорта. Только в этом случае мир так ни за что бы и не узнал, как "водители Ларионов и Кутыко, используя один двигатель на две бортовые машины..." и т. д.

2. "О ЧЕМ ПРОМОЛЧАЛ ТОВ. ЖВАНЕЦКИЙ"?

Работать в одесском порту и не прирасти к нему душой невозможно.

Жванецкий не "прирос". К моменту своего трудоустройства в ОМТП он уже был достаточно привит от любви к лязгу порталых кранов. Или наоборот — достаточно инфицирован жадной литературно-эстрадной деятельностью. Во всяком случае, первое, что его увлекло в порту подлинному, — это идея проведения молодежных эстрадных вечеров.

В 1956 г. комсомольцы предприятия ударными темпами завершала ремонт актового зала портклуба. Первый молодежный вечер в отремонтированном зале должен был состояться под новым 1957 год.

Как и Лена Крылова в фильме "Карнавальная ночь", молодой инженер-механик РСУ включился в подготовку по-настоящему веселого праздника. В "Одесском портнике" за 12 декабря 1956 г. появляется его призыв:

"Каждый из вас имеет способности, — пишет Жванецкий в заметке "Подготовком хороший новогодний вечер", — один хорошо поет, другой — танцует, третий — декламирует, умеет рассказывать и, наверное, знает много забавных историй. Выступите, друг. Не волнуйся: в зале будут только свои, такие же молодые портовики, как ты".

Не будем утверждать, что до прихода М. Жванецкого в одесский порт культурная жизнь в коллективе носила эпизодический вялотекущий характер. Но судя по публикациям в портовой многотиражке, с подключением к делу молодого инженера стройконторы концерты художественной самодеятельности на предприятии стали проводиться не только в канун больших праздников. Они стали еженедельными.

Из печатных отчетов о проведении т. н. "молодежных сред" узнаем, что в концертах принимали участие юный Валерий Ободзинский, студент Водного Виктор Ильченко и другие артисты, ставшие впоследствии знаменитыми (на этих концертах, кстати, М. Жванецкий впервые пробует себя в качестве конференсье).

Однако "золотой век" молодежной самодеятельности порта длился недолго. Энтузиасты театральных подмостков не слишком утруждали себя соблюдением определенного идеологического шаблона, в соответствии с которым принято было устраивать эстрадные вечера: сначала чтение стихов о Ленине (партии), затем одна-две песни о нашей социалистической родине и только потом — шутки, танцы-шманцы.

М. Жванецкий, очевидно, опустил большую часть "обязательной" программы и сразу переходил к финалу. Ну и дотанцевался...

22 января 1958 г. "Одесский портник" не на 4-й, замечьте, а на 3-й полосе печатает материал "О чем промолчал тов. Жванецкий". Заголовок интригует. Мы многое знаем из того, "что сказал тов. Жванецкий". А тут комсомолки, водители малой механизации О. Змиенко и Л. Осаула обещают открыть секрет его молчания:

"Заместитель секретаря комитета комсомола т. Жванецкий, — пишут авторши-водители, — в прошлом номере нашей многотиражки очень

На фото А.М. Баренбойма: Михаил Жванецкий и Карп Полубаков (Александр Петрович Шнайдер)

красиво описал очередную молодежную среду в портовом клубе. Нас, комсомольцев, только удивляет: почему т. Жванецкий не написал о том, что вызвало возмущение большинства участников этого вечера. Если у него не хватило смелости, то мы хотим кое-что добавить..."

И далее комсомолки рассказывают о курсах мореходки ("то ли Одесской, то ли Ленинградской"), заглянувших вместе со своими подругами на огонек:

"Уже один только внешний вид этой компании насторожил... Непонятные прически, узенькие короткие брюки и платья девушек — все выдавало в них стилинг. Тут джаз института инженеров морского флота начал играть фокстрот и непрошенные гости завели дикий уродливый танец рок-н-ролл (языком оригинала — "дикунский потворный танец рок-н-ролл"). Возмущенные комсомолки обратились к т. Жванецкому с требованием прекратить это безобразие. Но т. Жванецкий только отмахнулся. Мы решили сами сделать замечание стилигам. Но услышав угрозы, что нас побьют, мы не рискнули дальше спорить... Весь вечер стилиги мешали молодежи веселиться. Почти не слышно было в зале ни вальса, ни другого отечественного танца..."

После публикации вышеприведенной заметки М. Жванецкий работал в порту еще более полтора лет. Но на страницах газеты в качестве организатора молодежного вечера больше ни разу не засветился.

"Дикунский потворный танец рок-н-ролл" поставил на комсомольской карьере молодого инженера Жванецкого жирный крест.

3. ДРУГОЕ "Я" ЖВАНЕЦКОГО

Грусть и горькая ирония в монологах живого классика советской сатиры — настолько тонкие субстанции, что порой даже не ощущаются на вкус. Все, что он говорит, все, что о нем говорят, в сознании неизменно ассоциируется с чем-то веселым, жизнеутверждающим, даже легким. Что поделать, приучил.

Между тем, пообщавшись с портовиками, близко знавшими Михаила Михайловича в молодости, открываешь для себя совсем другое "я" этого человека, весьма и весьма не похожее на сложившийся образ.

Одна интересная женщина, например, рассказала нашему покорному слуге, как тяжело было Мише с его юмористическим талантом пробиться в родном приморском городе. Как его заставляли писать на украинском языке, а он не мог. Как находились доброты, пытавшиеся переводить его монологи на украинский, а они не звучали. Как будущая знаменитость впадал в жуткую депрессию...

В память об этих годах у моей собеседницы осталась записка "...от мальчика с девичьей фамилией Жванецкий, который раньше прилащивал девушку помяться, а теперь приходи погрустить".

За эту записку коллекционеры раритетов наверняка дали бы хорошие деньги. Но она не про-

дается. Даже если бы ее сегодня хотел купить тот самый "мальчик с девичьей фамилией"...

4. ДУЭЛЬ СО ЖВАНЕЦКИМ

Русский писатель А.П. Чехов ввел в архитектуру драматического произведения "правило ружья", которое если в первом акте пьесы висит на стене, то в третьем обязательно выстрелит. В нашей первой байке в качестве такого ружья "висела" некая полотняная торба. Приготовьтесь, сейчас прогремит выстрел...

Когда Миша, простой инженер-механик, вырос до Михаила Михайловича Жванецкого, все-таки известного юмориста и сатирика, бывшие коллеги по строительной работе захотели с ним встретиться. Просто встретиться. Просто посидеть за ресторанным столиком. Повспоминать "за" прошлое.

Однажды случай такой представился. М. Жванецкий выступал с несколькими концертами в Одессе, и после одного из них посланец портовиков подошел к администратору: так, мол, и так...

Администратор исчез на какое-то время за кулисами и вскоре вернулся с ответом: "Михаил Михайлович просил передать, что очень занят. Более того, он говорит, что вообще вас не знает".

Не знает?! Ах, ты ж!..

Дуэль состоялась уже на следующем концерте. Представьте, выходит Михаил Михайлович на сцену и видит, что весь первый ряд занят... сами догадываетесь кем. Строители все в костюмах и при галстуках (одалживали, где могли). Лица бриты так, что муха поскользнется. У одного из благоухающих "Шипром" денди на коленях любовно разложена... полотняная торба.

Портовики били наверняка. Знали, что для Жванецкого на концерте очень важна реакция первого ряда. А реакции нет. Концерт продолжается час, затем еще час, а зрители в первом ряду сидят, как на похоронах. Каменщицы сфинксы всем своим видом демонстрируют ожидание конца представления, когда Жванецкий спустится в партер, схватит торбу и побежит в ближайший продмаг за поллитрой.

Трудно дался Михаилу Михайловичу тот вечер. Но зрители об этом даже не догадались. Писатель удар выдержал.

А портовики сочли поединок состоявшимся...

Не знаем, насколько эта история правдивее той, где будущая знаменитость таранит погрузчиком шлагбаумы в порту и даже врывается в служебный автомобиль начальника порта ("Комсомольская правда", 06.03.2004). Но она замечательна хотя бы тем, что самым неожиданным образом интерпретирует связку двух брендов — "Одесский порт" и "Михаил Жванецкий". Писатель Жванецкий, бывает, сочиняет про портовиков. Так почему бы и портовикам не сочинить про Михал Михальча? Один раз. К 70-летию юбилею "Жванецкой власти" в Одессе.

Алексей СТЕЦЮЧЕНКО.

Григорий РОЗЕНБЕРГ**Мы художники...**

Художник-фотограф Щукин был кумиром моей 17-летней юности.

Пожилый, седой, неженатый человек. Ему уже было сорок лет, а он умудрялся оставаться холостяком, что, как мне тогда казалось, было признаком выдающегося ума. Да и сейчас кажется.

Познакомился я с ним по работе, но прилип к нему, как прильбидившийся щенок. Он всегда обращался ко мне на "вы" и всегда говорил со мной так, как будто мое мнение что-либо значило. Мой начальник иногда посылал меня к нему в мастерскую, в подвал на соседней улице, совсем недалеко от нашего универмага, забрать очередной заказ, а я счастливый прибегал и сидел у него часами. Он продолжал работать, ходил по мастерской, чем-то шуршал, с чем-то возился и все время говорил со мной, как говорят с большой умной собакой. Я, может, и не помню, что именно он делал, потому что слушал его высокий очень тихий голос, его почти всегда поражавшие меня монологи.

— Вот ответьте мне, Саша, в вопрос. Подумайте. Вот работает в нашем Оперном театре главный художник. У него звание народного, он заслуженный деятель искусств... Он очень опытный мастер и признанный талант. И это все — правда. И вот, работаете вы, Саша. Также очень одаренный человек, но еще очень молодой, еще мало что умеющий, неопытный, обученный плохими педагогами... Но вы работаете в Центральном универмаге. Теперь вопрос: где уместнее работать народному художнику, заслуженному деятелю искусств — в Оперном театре или в Центральном универмаге?

— Ну какой же это вопрос? — наивно попадался я. — Театр, это же храм искусств! Это же вам не витрины оформлять!

— Сколько человек в день бывает в Оперном? — высоким голосом спрашивал он. — Пятсот? Ну, от силы — пятсот. А в универмаге? Ну посчитай-

те, посчитайте. Сколько человек в день воспитываете своим искусством вы, а сколько он? Сколько человек будет со временем считать нормой его вкус, а сколько — ваш!

Но и моим искусством он интересовался. Во всяком случае, всегда хвалил.

— Саша, видел в витрине силуэт женщины, надевающей чулок. Ваша работа?

— Моя, — с напряженным ожиданием отвечал я.

— Очень талантливо. Эта непропорционально маленькая голова придает всей пластике такую острую экспрессию!

Я ничего не понимал про экспрессию, понимал только, что талантливо, и бросался жаловаться:

— А они говорят, такой головы не бывает! Чтобы я не выдирчивался, а срисовал по клеточкам из журнала!

— Что вы хотите, — устало говорил он. — Они хорошие добрые люди, но они же ремесленники, они же не учились... Они же и о фотографиях могут сказать только "недоделано-недержано", "резко-нерезко"... Мы с вами художники, мы должны быть к ним снисходительны...

"Мы художники", — и я готов был слушать его бесконечно.

— Вызывает меня как-то командир части, — рассказывает он мне. — И говорит: "Майор Щукин! Мне доложили, что вы слушаете симфоническую музыку". — "Да, товарищ полковник, это правда". — "Джаз надо слушать, а не выё...ся, майор!".

— Мы художники... — говорил он мне, и я готов был не выходить из его подвала годами! Это место под землей, под ногами прохожих и жильцов верхних этажей, было единственным местом, где со мной говорили о высоком.

— Вы уже посмотрели фильм "33"? Ну что вы, Саша! Интеллигентные люди должны это посмотреть. Я думал, на выходе из зала всем будут наручники надевать, кто это видел. Представляет,

на фоне западного джаза и покосившихся изб по разбитой дороге едет кортеж с космонавтом, а дорогу ему преграждает веревка с мокрым бельем. Космонавт подходит к жене, которая это белье развешивает, а она его мокрыми кальсонами по щекам! А он говорит сопровождающим: "Семья согласна". Представляет! А первый секретарь обкома диссертацию пишет насчет тридцать третьего зуба, представляете?

В другой раз:

— Саша, вы уже это читали? — и бросает на стол газету. Не кладет, как всегда, а бросает. И я уже понимаю его отношение к написанному. Разворачиваю газету, вижу жирный заголовок: "ПЕРЕВЕРТЫШИ".

— Я прочту, Виталий Александрович, а чем вы рассержены?

— Ну, Саша, интеллигентный человек должен это прочесть. "Перевертыши"! Даже оскорбить грамотно не умеют. Это они хотели слово "оборотни" написать, да ведь надо книжки читать, чтобы знать... Читайте-читайте, Саша. Вы же пишущий человек, вы обязаны знать.

Для него я пишущий человек!

Я пропадал у него в мастерской: слушал, смотрел, спрашивал. Читал свои стихи, а он неизменно хвалил. Только однажды он чуть приоткрыл мне причины своего постоянного мной восхищения, и то — случайно. Говоря о другом, он обронил: "Артист без аплодисментов хиреет".

Какие элегантные дамы спускались в его подвал, цокая длинными острыми каблуками по камням ступеней, грациозно изгибая свои обтянутые узкими платьями фигуры: лестница крутая, с выбоинами... Щукин не оживлялся, не суетился, а так же строго смотрел перед собой, был очень вежлив и, извинившись, продолжал работать. А они, как и я, сидели по очереди на высоком табурете и поглощали его неизменное, высказываемое между делом восхищение. Иногда он их фотографировал. Иногда прерывал ра-

боту, садился рядом и курил. Длинную сигарету с фильтром он зажимал не кончиками пальцев, как все, а вкладывал ее у самого основания пальцев и подносил свою музыкальную кисть к лицу раскрытой, как хищный растопыренный веер... Женщины не отрывали от этой руки взглядов.

Однажды он остановился посреди мастерской, внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Знаете, Саша, у вас восхитительное лицо!

Я чуть не слетел с высокого табурета.

— Как у Врубелевского Демона. (Кстати, стихи у меня были, конечно же, как у Пастернака, а рисунки, как у самого Врубеля.)

— Я должен вас сфотографировать!

— Когда? — зачем-то спросил я.

— А сейчас! — вдохновение било из Щукина, как прожектор.

Он взял какой-то тюбик и помазок для бритья, усадил меня под софиты и стал собственноручно намаливать мне щеки. Потом отступил, прищурился — и положил еще два мазка. После этого он со всех сторон общелкал меня своей камерой, и я ушел, потрясенный осознанием своей демонической красоты.

Через неделю совсем рядом с моим домом в витрине парикмахерской появилась огромная фотореклама: мой портрет, на котором из моря мыльной пены одиноко торчал мой правый глаз. Остальная часть лица, в соответствии с композиционным замыслом, была обрезана. То, что это именно я, знали только два человека. Мама, например, не поверила...

Как-то осенью случилось так, что я сам заказал ему фотопално для своей авторской витрины: мне наконец доверили сделать что-то без нынеч. Витрина была обувная, и задумка моя была такова: на фоне вертикально висящей одесской мостовой, снятой буквально сверху, так, чтобы не было перспективных искажений, откровенно нарисованные ноги в обуви. Много ног, но идущих не по фотографии, а по воздуху, на фоне стоячей стеной булыжной мостовой. Примерно в таких словах я долго объяснял суть Щукину, пока не наткнулся взглядом на его снисходительную улыбку.

Когда я увидел готовую работу, то растерялся. Щукин снял мостовую на

Пушкинской, но совсем не так, как я задумывал. О моей витринной идее он забыл. Это была пустая улица с пустой мостовой и голыми деревьями. Перспектива исчезала в далеком тумане... Я хотел было напомнить ему, какую задумку он развалил своей фотографией, но, глядя на этот туман в конце сырой мостовой, почувствовал такую грусть, такую тоску, какая бывает при очень горькой разлуке.

— Понимаете, Саша, — очень серьезно объяснил он мне, — я хотел снимать рано утром, когда "ни машин, ни шагов", а вот пришел, увидел это и решил: пусть в витрине повисит такая улица...

И я не стал заслонять ее рисунками ног, она так и висела всю зиму в центре моей обувной композиции. Я ведь помнил, сколько человек в день я воспитываю...

Мы расстались с ним, когда я уехал учиться в другой город, но на каникулах я старался навещать его. Щукин уже работал в другом месте, в университете, в новой мастерской. Когда я появлялся, он, маститый и известный Виталий Александрович, не обращая внимания на постоянную толкотню у него разных людей, театрально обнимал меня, расцеловывал и говорил что-нибудь праздничное. Потом интересовался моими успехами, а на прощание всегда почти насильно вручал какой-нибудь сувенир: фломастер, карандаш, дикий винный авторучку... Я уходил с ощущением, что не проводить его забегал, а взять с него регулярную порцию симпатии.

Потом было распределение, работа в разных концах России — и я надолго потерял его из виду.

Разыскал я его через двадцать четыре года. Опять была новая, на моей памяти третья уже, мастерская. Он сидел на высоком табурете в синем халате, сутулившись. Какие-то девочки устанавливали аппаратуру, готовили освещение. На стенах его мастерской висели портреты Высоцкого, Дворжецкого, Галича... На столе под стеклом я увидел снимки, на которых эти знаменитые люди были сфотографированы вместе с ним — с Виталием Александровичем Щукиным...

Меня он не вспомнил.

Израиль.

Наталья СИМИСИНОВА**Апофеоз лета**

Со стороны посмотреть — отвратительное зрелище — женщина, с руками по локоть в крови. Кровь стекает, капает, застывает, размазывается, брызжет во все стороны. Весь стол в алых брызгах. На лице маниакально-безмятежное выражение. Сладкая тягучая кровь. Алая с вишневым оттенком. Я чищу ягоды для варенья. Занятие неторопливое и не утомительное несколько. Нельзя спеша готовить ягоды. Их четыре килограмма. Четыре килограмма отборных черных круглых блестящих. Вначале я их мыла пригоршнями под краном. Капли стекали с их тугих бочков. Теперь из каждой нужно вынуть косточку и оторвать хвостик. Я беру очередную вишенку, вонзаюсь в нее шпилькой, вытягиваю всю в кровоподтеках косточку, в который раз удивляясь ее бесхитростному, прямо-таки наивному совершенству.

Мякоть ягоды, ее плоть заключена в строго очерченное пространство. Кем очерченное? Почему? Пространство имеет форму шара, слегка приплюснутую сверху — там, где таинственная впадинка, в которую впадает плодоножка, — и окружено нежнейшей кожей. Пространство автономно и абсолютно герметично. Вишенка закрыта — задраена, как маленький космический корабль. Отчаянно храбрый, один-единственный в невообразимом космосе он висит-болтается на ветке.

Поедая вишенку, я одновременно с ни с чем не сравнимым кисло-сладким щиплющим языком и рождающим массу ассоциаций вкусом получаю информацию о мире, который был до меня. Все едино и взаимосвязано. Мое тело, тельце надкушенного плода — содержат сведения о динозавре. Все в мире кружится, перетекает из одного в другое. И нет конца этому перетечению...

Невидимые атомы выстраиваются в сложные молекулы, и появляется вкус, цвет, запах, форма. Чернокорка. Чернокорочка. Такая точно росла у бабушки во дворе под окнами. Под ней мы сжижали за столом. Неторопливо текло летнее отпусное время. Завтракали — и старая клеенка была расписана дрожащими солнечными пятнами — обедали, ужинали. Ужин переходил в чаепитие под звездами. Лучше этих минут я до сих пор

ничего не знаю. Спокойствие и умиротворенность. Бабушки вспоминали свою жизнь, влюбленности, родителей — деду Якова, сапожника, который был гением в своем мастерстве и пьянстве, потому всегда был без сапог; бабу Улю — лучше всех на улице готовившую борщи и вареники; баба Дора в сотый раз рассказывает историю про нынешнего маршала, который когда-то был влюблен в нее. Но не нравился — рыжий был, конопатый, гундосый. Потому вышла она за бесшабашного Тишку — любившего и ревновавшего ее без памяти. Мы в который раз смеемся над непрактичностью бабули. Ведь если бы она тогда отдала предпочтение будущему маршалу — как сказочно жили бы мы сейчас. Мы в деталях смакуем возможную распрекрасную жизнь, в которой хватило бы достатка и детям, и внукам.

— А что, Дорка, — говорит баба Галя, — была бы сейчас у Наташки и шубка, и квартира, и денег сколько хочешь. И женихи богатые. Деньги — они к деньгам идут...

Мы все вздыхаем и надолго замолкаем...

Одуряюще пахнет ночной красавицей. Тишина, и только звезды дрожат над нами. Закачиваются ночные посиделки как всегда негромким сливанием. "Іхали козаки від Дону додому, підманули Галю, забрали з собою..." У бабы Доры не сильный, но очень нежный голос. Она ведет за собой: "Ой ти, Галю, Галю молодая, підманули Галю, забрали з собою-о-ой!".

Под чернокоркой, в маленьком белом домике с зелеными ставнями прошли лучшие годы моего детства. А возможно, и лучшие мгновения моей жизни.

...Самое интересное, что на ленте времени эти дни продолжают существовать где-то там, в трудно вообразимом далеке. И если когда-нибудь, мой внук придумает-таки машину времени, то можно будет прокатиться со мной или без меня в те благословенные денечки. В которых душа была уравновешена с миром.

Где не было даже намека на мои сегодняшние драмы, бессонницы, одиночества, ужасы перед надвигающейся старостью и всех тех больших и маленьких страхов, точащих мою жизнь, как жуки-короеды.

А там, в тех денечках: солнце и ленивые белые облака, и зной, и истома летнего полдня, и запахи вишневого варенья, кипящего в огромном медном тазу посреди летней кухни. На столе — глубокая тарелка, доверху наполненная пенками. И все пальцы и губы у меня липкие от этой пенки...

...Сегодня я заняла нишу своих бабушек и готовлюсь варить варенье.

Вся хитрость варки заключается в том, что необходимо установить некую гармонию с миром, равновесное состояние души, без напряжения воспринимающей окружающий мир. Для того чтобы сварить полноценное варенье, надо быть счастливым, ну хотя бы временно счастливым человеком. Любое варенье не терпит суеты, спешки, агрессии. Готовясь к варке, надо отрешиться от страхов, найти точку опоры и полюбить себя в мире.

Варенье требует неторопливости, иначе продукт получится некачественным, уверяю вас. Жидким, что для варенья абсолютный нонсенс, либо чересчур густым. Но варенье — не компот и не повидло. Ягоды не имеют права развариться. И цвет должен быть четким. Это возможно, если хозяйка в момент кипения не отлучается от таза ни на минуту. Она нежно помешивает большой деревянной ложкой волшебное варево и ни на что не отвлекается.

Варенье — это апофеоз лета. От которого ты отщипываешь кусочки, добавляешь сахара, ставишь на огонь, снимаешь, охлаждаешь, снова ставишь. Потом закупориваешь в банки, ставишь их на полки в темную кладовку. Разноцветные стеклянные банки — ярко-желтые, малиновые, розоватые, темно-фиолетовые, оранжевые. В них — абрикосы, клубники, вишни, смородины...

Притом, когда ты аккуратно вытаскиваешь из абрикосов косточки, а потом заставляешь всю семью расколосить их, чтоб сварить варенье с бубочками, или помещиваешь клубнику, то думать надо только о хороших вещах. Никаких мыслей о конфликтах на работе или о конечности всего сущего, никаких воспоминаний о том, что всего неделю назад тебе хотелось броситься под первую попавшуюся машину, присутствовать не должно. Их надо изгнать за несколько дней до варки, еще покупая ягоды и волоча их на пятый этаж. Из головы по ложке в таз должно стекать только умиротворение и размышления о том, отчего абрикосы круглые и похожи на маленькие планеты, как вишни и айва, и яблоки, а крыжовник овальный, вытянутый, клубника же вообще

странной сердцевидной формы. Как случилось это разнообразие? Кто придумал его? Зачем?

И сколько может один человек, которому 11 лет, съесть за раз малины? Со сливками и с сахаром. А если приведет с собой двух-трех товарищей? Тазика, пересыпанного и готового к варке, как не бывало. И это замечательно. Потому что вновь предстоит поход на рынок и отрадная перспектива хождения вдоль пахучих рядов и выбор. А симпатичные грудастые титоньки за прилавками — и у всех руки по локоть в ягодных соках. Разве можно сравнить их с переполненными, что продают мясо в крытом корпусе? Вон, убитая и расчлененная скотина развешана, куски печеней и желудков, сытые собаки лениво смотрят по сторонам. В корпусе тебя непременно обведают и костей насуют. Да и глаза у тамошних теток другие — маленькие, тусклые, косые от постоянного общитыванья.

Здесь же, на улице, — умопомрачительные ароматы, восходящие к небу, садами пахнет. И ощущаешь, как стремительно пролетает лето. Ведь каждая продавщица — живописное напоминание о том, как быстротечно время. И если сейчас не купишь клубнику, то через неделю — фьють — ее уже нету. И нечего будет поставить в холодный зимний вечер на стол ч чаю. А если, не дай Бог, еще и свет отключат, то вовсе тоска.

Ты же этой тьме и мраку, холоду и ветру, царапающему окна, и беспросветью душевному, и хандре — свечечки на стол в подсвечниках, рюмочки маленькие и пузатенькую бутылочку с наливкой (не с ликером из супермаркета), а живую ягодную наливочку, от которой в животе тотчас пожар разгорается, чашки белые с позолотой, густо-янтарный пахучий горячий чай. И банку тащишь из кладовки. Любую, наугад. Сама еще не знаешь, что в той банке, потому что неподписанные они. Бабушки подписывали на бумажках химическим карандашом, тебе же все недосуг. Все уже за столом сидят, тени по лицам скачут, вполголоса говорят и ждут. А ты — как фокусник — оп-ля — открываешь банку — и в вазочку ложкой выгребаешь. И все — ах-а-ах — нохают, ногами водят, и восторг, и умиление. Ложки тянут с розетками. Абрикосовое с бубочками! Ура! Или малиновое с хрупкими нежными косточками, или то самое — вишневое-тягучее — фиолетово-бордовое, из чернокорки.

Как у бабушки с фотографии.

Потом мы долго сидим и пьем чай с вареньем, жмурясь от удовольствия. А фотографии висят на стене, смотрят на нас из совсем другого пространства и времени...

Алена Жукова — киноредактор, сценарист. Работала на Одесской киностудии. Автор двух малоизвестных в Канаде, но популярных за ее пределами (в пределах СНГ) художественных фильмов "Дикая любовь" и "Зефир в шоколаде".

Пытается выжить в Торонто с 1994 года и даже работать в кино.

В 1996 году умудрилась вместе с известным канадским режиссером Иосифом Фейгинбергом обчистить карман Онтариийского Министерства культуры посредством получения сценарного гранта, после чего продолжила свой путь в документалистике. Принимала участие в работе над фильмом "Glenn Gould: The Russian Journey". Сейчас в творческом союзе с лауреатом пяти престижных премий, все тем же режиссером Иосифом Фейгинбергом пытается выудить из доверчивых государственных и недоверчивых частных компаний деньги на многосерийный телевизионный проект. Как это получится, увидим.

Миловидная тоненькая брюнетка, стриженная под мальчишку, запрыгнула в вагон метро. За ее спиной шумно сошлись створки двери, и от неожиданности она вздрогнула. Было заметно, что передвижение в общественном транспорте ей непривычно и что она плохо представляет себе маршрут, по которому предстоит проехать. Она вертела головой, ища глазами среди рекламы, расцветившей панели поездов, незамысловатый план торонтского метрополитена, как вдруг где-то на уровне живота раздался родной говорок, явно хохляцкого происхождения. Опустив глаза, она увидела две женские макушки, обе с красно-рыжим начесом. Их щебет состоял в основном из названий фирм, магазинов, цен и всего того, что естественным образом волновало абсолютно всех в это время года, поскольку этот самый год медленно катился в небытие, доживая свои последние часы. Их Рождество уже растворилось в огнях свечей, оставив в воздухе пряный запах хвои и яблочных пирогов с корицей, а праздничный процесс в душах и желудках наших соотечественников только набирал обороты.

Брюнетка, а звали ее Женечка, присела рядом с громкорусскоговорящими женщинами и прислушалась. В принципе, ее уже, вроде, не интересовала информация — что, где и почему. С подарками она разобралась — мужу

Алена ЖУКОВА

Почти как у классика

и любимому человеку она решила подарить одинаковые вещицы. В этом она не видела ничего плохого. Во-первых, они оба ей одинаково дороги, водят одинаковые машины и, в чем она абсолютно уверена, никогда не встретятся. Уж об этом она позаботится.

Сегодня, пару часов назад, несмотря на то, что ее машина не завелась, она рванула на метро к любимому. Совсем не за тем самым, а на минуточку, только для того чтобы вручить подарок сейчас, а уже вечером — такой же мужу под елочку. После пары дней в мучительных поисках ее выбор остановился на восхитительных брелках для ключей с фирменным лого "Лексуса". Машины ее мальчишек отличались только годом и цветом. У мужа была старше и выглядела хуже. Любимый был приятно удивлен, а ей вдруг стало обидно не из-за того, что он ничего не подарил сейчас, потом подарит, а потому что не мучился, как она, неделю, в поисках подарка. А ей так хотелось представлять, как он ходит по магазинам и раздумывает, какой цвет, запах или форма ей к лицу. Какая она молодец, все правильно сделала.

Теперь ему придется немножко напрычься и побегать. Хотя, скорее всего, никуда не побежит. Ей все чаще кажется, что он помнит о ее существовании пять минут до и пять минут после свидания. Смешное совпадение, его машина тоже сегодня забарахлила. Надо же, как у них часто совпадают какие-то мелкие неприятности, но и приятности тоже. При мысли о приятных совпадениях она улыбнулась и, набрав воздух полной грудью, резко выдохнула.

Женщины стали говорить тише, но тема была куда интереснее предыдущей, и Женечка, хотя и старалась не подавать виду, что слышит и понимает, заинтригована была выше всякой меры.

— И ты знаешь, что он мне подарил? — спросила подруга одна из рыже-красных, — дешевый парфюм. Ему цена в базарный день полтинник.

— А как называется?

— Не помню, фигня какая-то, он у меня с собой, сейчас покажу.

Она полезла в сумку и вынула оттуда небольшой флакончик. По ходу дела прокомментировав, что наверняка подарил он ей это неспроста, что, вероятнее всего, такими же духами пользуется его жена, которая не унывала на нем чужой запах. Он, конечно, смекнул и решил подарить точно та-

кие, а иначе с чего бы это. Запашок так себе, на любителя, не в ее вкусе. Далее разговор свернул на тему разнообразных парфюмерных пристрастий, как вдруг Женю словно ударило. Соседка отвинтила крышечку, и по салону поплыл запах любимых духов, которым Женя не изменяла уже десять лет, с того момента, как Игорь, будучи новоиспеченным мужем, повесил на их первую семейную елку маленькую серебристую коробочку с круглым матовым пузырьком внутри. Тогда ради этого он угрохал всю мэнээсовскую зарплату, а вот теперь, здесь, это действительно какие-то пятьдесят с небольшим долларов.

Женьке страшно захотелось рассмотреть получше рядом сидящую женщину. Скосив глаза, она заметила пухлый рот и вздернутый лисий носик, но неожиданно женщина повернулась, и глаза их встретились. У рыжеволосой оказалось молодое румяное лицо и озорной взгляд. Женя поняла, что выдавала себя, отступать было некуда, и она неожиданно для себя сказала:

— Извините, что я невольно подслушала ваш разговор, но я, собственно, по поводу этих духов. Понимаете, вы не правы, это удивительные духи. Довольно редкие, особенно тут, в Америке. Это европейский стиль. Когда-то давным-давно мне подарили такие, так поверьте, после этого вот уже десять лет я только ими и пользуюсь. Я бы хотела получить их в подарок, но, увы, никто не дарит, все сама.

Тень сочувствия набежала на лица слушательниц, и вдруг рыжеволосая протянула флакончик Жене и вложила в ее ладонь.

— Возьмите, дарю. Они мне не нравятся. Я их все равно выброшу.

— Ну что вы, — попыталась отбиться от неожиданной щедрости Жени, — Зачем?

— Берите, берите. Новый год ведь! Как начнется, так и будет. Хватит самой покупать, пусть вам дарят.

Подруги неожиданно вскочили и поспешили к выходу. А обалдевшая Женя так и осталась сидеть с флакончиком в руке.

У Игоря в гараже с утра творилось что-то невообразимое. То ли из-за непогоды, то ли по причине приближающегося с каждым часом праздника, машин на срочном ремонте было вдвое больше, чем обычно. Кроме того, ближе к вечеру проявился его кредитор Антон, который притащил свое-

го дружка с издохшим "Лексусом" и умолял лично посмотреть, поскольку у Игоря такой же. В другое время он послал бы всех к такой-то матери, но дела последнее время обстояли не лучшим образом — на шее висел новый дом, частная школа для сына и постоянное нытье жены по поводу отдыха у теплого океана.

Игорь подошел к машине. Антон представил ему долгового смазливового парня, но Игорь тут же забыл, как того зовут. Они договорились, что Игорь отзвонит через час, а потом все зависит от сложности ситуации.

Сев в машину, он попытался завести мотор. Двигатель, ворчливо огрызаясь, не желал заводиться. На ключе зажигания болтался шикарный фирменный брелок. Похоже, шутовина совсем новенькая, ишь как блестя. Хорошо бы себе такой же.

Дело оказалось непростым, и перспектива провести последние часы года под капотом чужого "Лексуса" была все более очевидной. Долговязый уже давно стоял над душой, и когда позвонила жена и пожаловалась, что не может выйти из дому, — мотор не заводится, Игорь в сердцах выругался. Он пообещал не забыть купить хлеб и минералку и окончательно смирился с мыслью, что Лисенка уже в этом году не увидит.

После долгой возни мотор наконец удовлетворенно заурчал, а клиент подпрыгнул от радости. Игорь бросил ему связку ключей, парень ловко поймал.

— Хороший брелок, где брал? — поинтересовался Игорь.

— Подарок. Одна классная подруга подарила. А знаешь что, возьми, ведь у тебя тачка такая же. Ты меня просто спас. Я тут одной девчонке такого наобещал на эту ночь, а тут — упс, без колес.

Парень отстегнул блестящий диск и протянул его Игорю.

— Дарю, с Новым годом!

— Так ведь подруга тут же заметит, что нет ее подарка, — напомнил Игорь.

— Нет, та не заметит, я с ней нескоро увижусь, а спросит, так и скажу — подарил хорошему человеку, который спас от позора. А сегодняшний лучше не видеть, а то начнет — откуда, кто, что...

До Нового года оставалась пара часов. Надо было хоть позвонить Лисенку, если встретиться уже никак не удастся.

— С наступающим тебя, — устало

проговорил он в ответ на журчащий поток ее возбужденной болтовни. — Дай Бог, не последний, — соврал, подумывая, что уже устал и надоело, правда, может быть, просто вымотался сегодня маленько. Он уже собирался свернуть разговор, как Лисенко задала абсолютно бестактный вопрос — что он дарит жене? В ответ он с трудом сдержался, и подумал, что в Лисенке стали все больше раздражать две вещи — отсутствие мозгов и плохой вкус. По крайней мере, она хоть перестанет обливаться той приторно-сладкой подливой, на которую у него уже аллергия.

В доме светились разноцветные огоньки, пахло пирогами и селедочкой. Стол напоминал пеструю ароматную клумбу, над которой порхали изящные крылышки Женькиных рук. После двенадцати должны были приехать Милькины с детьми. По комнате неприкаянно ходил задумчивый сын Леша и, как рентгеном, просвечивал взглядом яркую обертку громадной коробки. Он точно знал — то, что под елкой, — это его, а то, что на, — это папа с мамой друг для друга развешивают.

Семья села за стол. Игорь открыл шампанское, часы били двенадцать, и Лешка, потягивая колу, отсчитывал вслух, как целуются родители. Так было всегда, сколько Лешка себя помнил, и казалось, так оно всегда будет.

Разлепившись, они наперебой стали рассказывать друг другу о том, как совершенно чужие люди подарили им новогодние подарки, и чем дальше продвигался рассказ, тем больше менялись их лица.

Лешка тянул их к елке, ему не терпелось приступить к самой интересной части праздника — вскрытию подарков. Но родители почему-то не торопились. Лешка не выдержал, разорвал обертку и завопил от радости — там было то, о чем он давно мечтал, — большой настольный хоккей. А вот папа с мамой, казалось, чем-то расстроены. Игорь крутил в руках знакомый брелок, а Женя, стараясь изобразить лицом неземное счастье, пыталась найти объяснение, почему это он вдруг решил подарить именно эти духи. Ведь десять лет не дарил. Из оцененных их вывела рулада входного звонка и Лешкин крик: "Милькины приехали! В хоккей играть будем!"

Дети играли, родители пили. Игорь и Женя танцевали, глядя в глаза друг другу. Что они там разглядели, неизвестно, но, похоже, они должны были быть счастливы, ведь каждый из них получил то, что хотел, причем даже в двух экземплярах. Правда, это было совсем не то, чего им не хватало.

Торонто.

Михаил ЖИЛИН

Ноль

Каждый уважающий себя разгильдяй должен обязательно побывать в этом месте. Нулевой меридиан, никакой широты, никакой долготы — экватор напротив Гринвича. Нам было совсем не туда, но капитан сказал, что нужно подъехать — проверить, на месте ли буй. В общем, поменяли курс и пошли. А я как раз вспомнил, что в детстве мне очень нравилось, когда на часах одни нули. Но я никак не мог дожидаться, когда они появятся, — засыпал. Потом совсем забыл, как было интересно. Знаешь, как будто времени нет совсем. А в том месте, куда мы ехали, — ни широты, ни долготы. Как будто нет пространства. А вместе с ним — буй фарватерный и океан. Словом, подъехали — буй на месте. Постояли. Как на могилу пришли. А я подумал: как там дома? Кота соседи кормят или как? Пошел в каюту, закрылся. Не слышал, как уходили. Ни к чему это все. Хотя хорошо, что буй стоит. Вроде ничего такого. А интересно.

Представление

Представьте себе, что я — это не я, а одна девушка, которая мне очень нравится; и что я не описываю сейчас эту историю, а иду себе по коридору института, не зная, что кто-то думает обо мне.

Вот иду, иду. А тут передо мной возникает па-

рень, у которого наружность, ну как у меня (понимаете, да?). Но я привык, то бишь привыкла, всем нравиться, так что я не могу себе позволить его просто за здорово живешь замечать.

Вот идем мы: я и тотот. Я сворачиваю, и он сворачивает. Я останавливаюсь, и он останавливается. Мне уже начинать казаться, что если я кашлять начну, то и он кашлять начнет. А зачем мне, чтобы он здесь кашлял? И так много этих, всяких... Правда, если бы он, скажем, исчез куда-то ради меня, я, может быть, перестала бы его... тьфу, наоборот. Ну, в плане того, что заметила бы, что он исчез.

А еще представьте себе, что ходить по коридору института мне (ну, не мне, конечно, а этой девушке), нужно частенько. Ну, мне, конечно, тоже надо (что и всем). А этот кадр (в смысле, я) все время за мной ушивается. Это прямо ведь ад. Я, наверное, скоро просто-напросто не смогу ходить по этим коридорам. Это вообще может привести к тому, что я смогу отличить его от всех остальных. В общем, нужно срочно что-то делать... В общем, психоз. Раздвоение личности какое-то...

А еще представьте себе: как я эту девушку понимаю. Но сделать, к сожалению, ничего не могу. Так и хожу за ней как дурак, а она впереди — как дура.

Чайка

Я хочу жить над морем. У маяка. В моей фантазии летит чайка. И ветер дует в лицо.

Слышны волны, но не видны. Закрыты глаза, потому что это только мечта.

В реальности — вечер. Сосед, старый матрос, спускается по ступенькам. Он пьян. Я вижу наколку — якорь на правом запястье. В фантазии матроса я даю ему рубль: "Ну ладно, пусть не сегодня, хотя бы утром".

Утром всем станет легче.

Я захожу в комнату. Ложусь на диван. Смотрю в потолок. Сравниваю линии на ладони с контурами обвалов штукатурки: так очень легко предсказать судьбу.

Я один, и чайка тоже одна.

Вечер.

Утром тишина ждет, когда проснется будильник. Дождавшись — звенит.

Я вскакиваю. Где-то в фантазии волны бьются о берег. Где-то в реальности — тоже.

Бог создал небо, звезды и море.

— Братишка, дай рубль!

Когда я даю соседу рубль, наши фантазии сливаются в одну:

— Знаешь, а чайки — это души погибших.

Гаснет маяк. И ветер дует сильнее.

Плохо, что на море нет эхо.

Мгновенье неповторимо.

Я засыпаю в трамвае.

Дуэль

Накануне возможной смерти Владимир Сергеевич кокетничал с Надеждой Васильевной. Завтра он, наверное, и не вспомнит, что ей говорил и что она отвечала ему. А сегодня Владимир Сергеевич пытался запомнить улыбку, руки, глаза. Но ничего не получалось. Все — один дым. Единственной вещью, врезавшейся в память, был старый вычищенный самовар, отра-

жающий комнату, лакея с бакенбардами и, кажется, самого Владимира Сергеевича; но только какого-то далекого, чужого, неопределенного, неживого какого-то... Чертов самовар!

"Но Надежда Васильевна хороша! Если б только было время все обдумать, что-нибудь помянуть. Как-нибудь объясниться", — Владимир Сергеевич попытался замедлить шаг, но у него ничего не вышло. Сердце требовало равенства количества шагов и своих ударов. Требовало так сильно, что хотелось бежать.

Поднялся ветер, облака как оглашенные полетели над головой. И вместе с ними будто бы улетело что-то важное. Владимиру Сергеевичу захотелось бросить шляпу и долго смотреть, как она несется вперед, как кувыркается на ветру.

"Нет, нет! Нет!" — Владимир Сергеевич проснулся, и ему показалось, что он спал целую вечность. Но посмотрев часы, Владимир Сергеевич понял, что забылся всего на пятнадцать минут. Было раннее утро. Дуэль должна была начаться через два часа. Оставалось только дожидаться своего секунданта.

"Если меня убьют, то это будет несправедливо! Убивают того, кто перед выстрелами настоящему не представляет, что может быть убит", — Владимир Сергеевич потянулся, чтобы сорвать травинку. За деревьями мелькнул экипаж с противником. И Владимир Сергеевич неожиданно для себя самого стал подходить к барьеру:

"Этого не может быть. Это не могло произойти так быстро. Так неожиданно! Я еще не успел ничего обдумать... А вдруг она просто откажет мне! И все закончится!"

Громкий звук выстрела вспугнул стаю птиц, притаившихся на деревьях.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____ газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.